

СБОРНИК РАССКАЗОВ

**ПРОГРАММИСТ
И
БАБОЧКА**

ЗВЕЗДЫ «МЛЕЧНОГО ПУТИ»

**Игорь Джерри Курас
Владимир Венгловский
Леонид Шустерман
Мара Будовская
Евгений Львович Якубович
Даниэль Васильев
Изя Шлосберг
Леонид Шифман
Юлия Гофри
Ирина Кадин
Семён Каминский
Эдуард Золотаревский
Юрий Нестеренко
Юрий Лопотецкий
Наталья Егорова
Программист и
бабочка (сборник)**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3934985

Млечный путь;

Аннотация

Даже программисты не станут отрицать, что они народ необычный. Недаром о них сложено столько анекдотов — Василий Иванович с Вовочкой позавидуют. Вот и родилась идея собрать под одним переплетом произведения авторов-программистов.

В сборник вошли рассказы пятнадцати авторов из США, Израиля, России, Украины и Эстонии. Всю информацию об авторах можно найти на сайте издательства «Млечный Путь»: <http://milkyway2.com>.

Содержание

От составителя	6
Евгений Якубович	8
Евгений Якубович	38
Юрий Лопотецкий	54
Юрий Лопотецкий	85
Наталья Егорова	109
Наталья Егорова	129
Конец ознакомительного фрагмента.	152

**Евгений Якубович,
Юрий Лопотецкий,
Наталья Егорова,
Леонид Шустерман,
Юрий Нестеренко,
Мара Будовская, Изя
Шлосберг, Эдуард
Золоторевский, Владимир
Венгловский, Даниэль
Васильев, Юлия Гофри,
Семён Каминский, Игорь
Джерри Курас, Ирина
Кадин, Леонид Шифман
Программист и**

необычный. Недаром о них сложено столько анекдотов – Василий Иванович с Вовочкой позавидуют. Вот и родилась идея собрать под одним переплетом произведения авторов-программистов.

В сборник вошли рассказы пятнадцати авторов из США, Израиля, России, Украины и Эстонии. Всю информацию об авторах можно найти на сайте издательства «Млечный Путь»: <http://milkyway2.com>.

Меня как составителя поражает диапазон интересов программистов: прочитав этот сборник, вы узнаете правду о приходе Обамы в Белый дом, о подноготной властвования Сталина, о средневековой Японии, о последствиях грядущей ядерной катастрофы, вопросах генетики и контакте с инопланетным разумом. Тут и сказки, и серьезные рассказы о любви и семье. А юмор... Это только внешне программисты производят впечатление замкнутых, устремленных в себя людей, а на самом деле это очень даже веселый народ.

Не пугайтесь, о компьютерах программисты не пишут, они сыты ими на работе. И их русский язык ничем не напоминает Java и C++.

Пользуясь случаем, благодарю всех участников сборника за сотрудничество и проявленное терпение и понимание. Я получил море удовольствия, работая над составлением сборника. Надеюсь, читатель получит океан!

Леонид Шифман.

Евгений Якубович

Президент и бабочка

Преуспевающий адвокат Джон Маккейн сидел в своем роскошно обставленном кабинете за массивным письменным столом и читал толстую книгу, быстро просматривая страницы. На пестрой обложке мускулистый брюнет, с патронташем через грудь, палил из ручного пулемета по зеленым человечкам, спускавшимся по трапу звездолета. К его спине прижалась длинноногая красавица-блондинка. Время от времени хозяин кабинета откладывал книгу и делал несколько глотков кофе из стоявшей перед ним большой керамической чашки.

Письменный стол был девственно чист. Кроме уже упомянутой чашки, на нем стояла лишь фотография в рамке. На фотографии четверо молодых летчиков облокотились на крыло самолета. Приглядевшись, в одном из них можно было узнать самого хозяина кабинета. На фотографии ему было не больше тридцати лет. Сегодняшнему Маккейну, сидевшему за письменным столом, уже перевалило за семьдесят.

На стене позади стола висели портреты двух президентов США: Франклина Рузвельта в инвалидном кресле с укрытыми пледом ногами и нынешнего президента – Хилари Клинтон, выступающую на лужайке перед Белым Домом. Меж-

ду фотографиями, прислоненный к стене, стоял свернутый американский флаг.

Дверь осторожно отворилась, и в кабинет вошел секретарь.

– Позвольте напомнить, мистер Маккейн, вас ждут двое посетителей.

– Черт! Откуда они взялись, Феликс?

– Сэр, по четвергам у вас приемный день.

– Какого черта, разве сегодня не среда?

– Боюсь, что нет, сэр, – тоном классического английского дворецкого ответил Феликс. – Сегодня четверг, 11 марта 2010 года. Время – двенадцать часов, и к вам записаны два посетителя. Оба по одному вопросу.

– Уже легче. А отменить никак нельзя? Я же сказал: никаких новых клиентов до конца месяца. У меня отпуск.

– Сожалею, сэр, но это не клиенты. По их словам у них есть для вас какое-то предложение, которое вас непременно заинтересует. К тому же они оплатили визит по высшей ставке. Всего один час.

– Ну, хорошо,пусти их и включи видеозапись. Сам тоже останься и приготовь пистолет.

– Думаю, он не понадобится. Джентльмены представились сотрудниками Доуссоновской физической лаборатории. Оба доктора естественных наук.

– Тем более! – раздраженно ответил Маккейн. – Физики, тоже мне невидаль! Не шестидесятые годы, в конце концов.

Еще бы программистами представились! Я, между прочим, тоже доктор права. Однако не кричу об этом на каждом перекрестке.

Феликс молча вышел. Он давно привык к постоянному ворчанию шефа. В молодости тот был страшно вспыльчив, к старости эта черта характера превратилась в брюзжание по любому поводу.

Оставшись один, Маккейн отодвинулся от письменного стола, выкатив из-под него инвалидное кресло, почти такое же, как у президента Рузвельта на фотографии. Привычно раскручивая колеса руками, адвокат подъехал к небольшому столику в углу комнаты, достал из коробочки пару таблеток, запил их минеральной водой и вернулся на свое рабочее место. Едва он положил руки на стол, как за дверью послышались голоса и в кабинет вошли посетители.

– Доктор Кельвин и доктор Аллен, – представил их Феликс. И, обратившись к гостям, добавил: – У вас есть один час для разговора.

Он усадил посетителей в два мягких низких кресла напротив адвоката, а сам занял жесткий стул за небольшим столом сбоку от хозяина. Посетители были чем-то похожи, но эта неуловимая схожесть не поддавалась конкретному описанию. Оба были хорошо и дорого одеты, аккуратно подстрижены и тщательно выбриты. Они достали визитные карточки и вручили их Маккейну.

Адвокат бегло просмотрел их.

– Слушаю вас, господа!

Разговор начал доктор Кельвин:

– Мистер Маккейн, как вы относитесь к путешествиям во времени?

Мистер Маккейн, привыкший за свою адвокатскую практику и к более странным вопросам, невозмутимо ответил:

– Как к интересному сюжету для фантастического произведения.

– Да, это понятно. Но как бы вы отреагировали, если бы узнали, что машина времени существует на самом деле?

– А я должен как-то реагировать?

Посетитель смутился, чего и добивался адвокат. Но тут подключился второй посетитель, доктор Аллен:

– Мистер Маккейн, мы говорим вполне серьезно. Дело в том, что в нашей лаборатории ведутся работы по созданию машины времени. Хотя и не совсем такой, как ее описал Герберт Уэллс. Во-первых, действие машины направлено только в прошлое. Во-вторых, и это главное, мы не в состоянии переносить физические объекты. Речь идет о перемещении сознания. После переноса человек обнаруживает себя в прошлом, в своем собственном теле. При этом он сохраняет знания и опыт из своей прежней жизни.

– Вот как, – мистер Маккейн задумался. – Ну что ж, рано или поздно такое должно было случиться. Почему же об этом ничего не сообщили в СМИ? Или это секретная разработка?

Аллен помедлил:

– И да, и нет. Мы работаем в государственной лаборатории, где проводятся исследования природы времени. Ранее они носили чисто академический характер. Однако недавно нам с коллегой удалось добиться практических результатов. Мы и в самом деле можем отправить сознание человека в прошлое. Более того, мы уже осуществили несколько удачных опытов. Но держим это в секрете.

– Понимаю, понимаю, – усмехнулся адвокат. – У вас есть некий микрочип, который вы вставляете в установку, чтобы она заработала. Потом вы его прячете, а без него ничего не выходит. Классический Голливуд.

Аллен не смутился. В отличие от своего приятеля он прекрасно держал себя в руках:

– Не микрочип. Микросхему невозможно сделать незаметно кустарным способом. У нас есть программа. Внешне это выглядит следующим образом. То, что упрощенно мы назвали машиной времени, является комплексом генераторов, каждый из которых воздействует на время своим уникальным образом. Для управления установкой действительно используется компьютер, тут не надо быть провидцем. – В глазах Аллена промелькнул ехидный огонек. – Понимаете, все пока находится на стадии эксперимента. Мы с коллегой работаем в группе экспериментаторов. Грубо говоря, мы гоняем установку, постепенно меняя режимы работы отдельных генераторов, в надежде найти те, которые дадут необ-

ходимый эффект. Сочетание параметров работы всего комплекса имеет практически неограниченное число вариантов. Теоретики свели это количество к вполне приемлемому, но все еще очень большому числу. Нам, экспериментаторам, осталось лишь методично проверять работу установки в указанных теоретиками режимах. И вот однажды вечером мы с доктором Кельвином обнаружили, что нашли нужное сочетание параметров. Нам страшно повезло, что это случилось в вечернее время, когда в лаборатории никого кроме нас не было.

– Так, так. – На лице адвоката читалась насмешка. – Пока все соответствует сюжету. Продолжайте.

– Нам пришло в голову, что мы сможем на некоторое время скрыть эти результаты и воспользоваться машиной в собственных целях. Первым делом мы подчистили записи в исследовательском журнале, и теперь этот режим вместе с тысячей других, опробованных ранее, считается нерабочим. Естественно, мы сохранили у себя копию управляющей программы. После этого мы испытали машину времени в действии. Не буду отвлекаться на подробности. Скажу лишь, что мы по очереди переносились в прошлое – вначале на несколько минут, потом на несколько часов. Мы веселились как дети: ставили простенькие эксперименты и даже подшучивали друг над другом. Потом спохватились и прекратили все это. Ведь находясь в прошлом, мы могли изменить настоящее таким образом, что потом не смогли бы составить

эту пресловутую программу. Не говоря уже о более глобальных последствиях наших проделок.

Адвокат одобрительно кивнул:

– Рэй Брэдбери, «И грянул гром». После этого рассказа даже появился специальный термин «эффект бабочки». Мне нравится, что вы не пренебрегаете классикой фантастики. – Маккейн пристально поглядел на физиков. – Итак, вы утверждаете, что отправили несколько человек в прошлое. Это непременно должно повлиять на ход истории, и, если верить все тем же писателям-фантастам, наша реальность должна измениться.

Аллен посерьезнел:

– История действительно меняется. Конечно, это прежде всего зависит от самого путешественника во времени. Если отправить в прошлое обычного городского обывателя, то вряд ли мир перевернется. Ну, женится парень не на Мэри, а на Элен. А та, в результате, окажется такой же стервой. Или заключит контракт не с фирмой, которая впоследствии прогорела, а с ее конкурентами. Возможно, те тоже прогорят. В лучшем случае – он разбогатеет. По его понятиям, конечно. Купит хороший дом в престижном районе, новую дорогую машину, а по воскресеньям будет играть в гольф. Может быть даже – предел мечтаний! – заведет себе любовницу из фотомоделей. В любом случае, все изменения реальности коснутся лишь его ближайшего окружения. Не все рождаются Наполеонами.

Маккейн согласно кивнул. Аллен продолжил:

– Однако люди, которых мы отправили в прошлое, принадлежат к другой категории. Это состоятельные, влиятельные люди, добившиеся многого в этой жизни, но по ряду причин, недовольные своим сегодняшним положением. Возвращение в прошлое подобных амбициозных личностей неизбежно приводит к серьезным изменениям истории.

Маккейн пристально взглянул на Аллена:

– О'кей, мистер Аллен, это выглядит вполне разумно. Но откуда вы знаете об этих изменениях? Ведь если меняется ход истории, если меняется весь мир, то и вы должны измениться вместе с ним! Как вам удастся сохранять память об исчезнувшем мире?

– Мы сами не раз задумывались над этим. То есть, я могу рассказать, как это происходит. Во время работы установки за окнами здания лаборатории сгущается плотный туман. Через некоторое время он рассеивается, и мы оказываемся в новом мире, полностью сохраняя память о предыдущем. Лаборатория и все, что в ней находится, всегда остаются неизменными. Но как и почему это происходит, я затрудняюсь ответить. Видимо, машина времени таким образом защищает сама себя, чтобы остаться неизменной после всех пертурбаций. Иначе она может попросту исчезнуть.

Мистер Маккейн расплылся в улыбке:

– Я так и подумал. Вы взяли идею из азимовского «Конца вечности», правильно? Во время переноса вы находитесь в

защищенном убежище и наблюдаете за изменениями реальности как бы со стороны.

Внезапно адвокат посерьезнел и резко бросил:

– А теперь, господа, я благодарю вас за прекрасную историю. Возможно, вам стоит ее записать и опубликовать как фантастический рассказ. Хотя, скажу прямо, ничего нового я не услышал – так, стандартная компиляция избитых тем.

Наконец и Аллен не выдержал ироничного тона адвоката:

– Почему вы все время насмехаетесь над нами? Мы пришли к вам с серьезным предложением.

Маккейн посмотрел на часы:

– Если у вас есть, что предложить мне, то делайте это побыстрее. Вы уже потратили пятнадцать минут моего времени на изложение банальной фантастической истории. Делайте свое предложение, или я попросту прикажу Феликсу выбросить вас вон.

Физики переглянулись. Кельвин успокаивающе похлопал Аллена по руке и взял инициативу в свои руки:

– Хорошо, мистер Маккейн, мы будем предельно конкретны. Для начала позвольте рассказать одну историю.

– Как, еще одну?

– Очень короткую и весьма любопытную, – успокоил его Кельвин. И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Жил-был молодой военный летчик, имя которого пока называть не станем. Жил он чрезвычайно весело и по вечерам предпочитал проводить время в баре со стриптизершами, а не засижи-

ваться над учебниками пилотирования и технической документацией. Летал он лихо – это признавали все. Но недостаток теоретической подготовки не раз подводил его. Обычно наш летчик выходил сухим из воды, включая случай, когда он приземлился с отказавшим мотором. Однако десятого декабря 1965 года случилось непоправимое. Во время полета в его самолете загорелся двигатель. Молодой летчик неправильно оценил ситуацию: вместо того чтобы катапультироваться, он включил систему пожаротушения и попытался посадить самолет. Посадка обернулась катастрофой. Летчика успели вытащить из горящего самолета, но перелом позвоночника до конца жизни усадил его в инвалидное кресло.

Кельвин замолчал, глядя в глаза Маккейну.

Адвокат слегка побледнел, но быстро взял себя в руки:

– В официальных документах эта история записана иначе: «Пилот проявил незаурядное мужество, борясь до последней минуты за спасение машины». Его наградили медалью «За храбрость» и отправили на пенсию. Но вы продолжайте, продолжайте.

Кельвин продолжил:

– Летчик был еще молод и не собирался ставить крест на своей жизни. Благодаря тому, что в военном училище он больше внимания уделял истории и государственному управлению, чем непосредственно военным наукам, бывший летчик без труда окончил университет, а затем и защитил докторскую степень по юриспруденции. Впоследствии

он стал известным адвокатом, одним из лучших в США. Но это оказалось слабым утешением. Он всегда хотел только летать.

Маккейн едва заметно кивнул.

Ободренный Кельвин произнес:

– А теперь представьте, что вы снова оказались в кабине самолета во время того злополучного полета. Все что вам потребуется сделать – это вовремя покинуть машину. – Кельвин помолчал и добавил: – В этом и состоит наше предложение. Если вы согласитесь, то буквально через несколько дней мы отправим вас в десятое декабря 1965-го. Вы благополучно катапультируетесь из самолета, после чего начнете новую счастливую жизнь. Вы снова станете молодым и здоровым.

Маккейн задумался:

– Черт возьми, заманчиво, ох как заманчиво. Даже не знаю, что вам ответить. Кстати, вы ведь потребуете плату?

– Разумеется.

– Сколько?

Что-то неуловимое промелькнуло на лице Кельвина, затем выражение его лица стало прежним: строгим, деловым, ничего не выражающим. Он ровным голосом произнес:

– Все ваше состояние.

– А не многовато?

– Вдумайтесь в ситуацию. Вы не сможете взять с собой никаких материальных предметов. Вы попадете в прошлое и все начнете заново. А деньги, которые у вас есть сегодня,

ваш дом, ваш бизнес, все, что имело отношения к вам в этой реальности – все это попросту исчезнет. Вернее не исчезнет, но необратимо изменится.

– Понятно. Но это значит, что я даже не смогу выписать вам чек. Что же делать – перевести все сбережения в наличные?

– Не в наличные. В золото. Внешний вид банкнот тоже может подвергнуться небольшим изменениям. Поэтому перед отправкой в прошлое вы переведете все свое состояние в золотые слитки. Положите их в чемоданчик и возьмете с собой. В момент работы установки золото будет находиться внутри лаборатории вместе с нами и таким образом изменение реальности его не затронет.

Лицо адвоката помрачнело:

– Значит, вот как это происходит, – задумчиво протянул он, обращаясь скорее к самому себе, чем к посетителям. – Золото, вот оно что...

Маккейн откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и некоторое время сидел неподвижно, о чем-то усиленно размышляя. Посетители недоуменно взглянули на Феликса. Тот приложил палец к губам, как бы говоря: «Просто сидите молча и ждите».

Прошло минут пять. Адвокат открыл глаза и улыбнулся:

– Простите старика. Мне надо было кое-что обдумать.

Он нагнулся, открыл тумбу стола и достал оттуда вазу с яблоками. При этом он незаметно нажал на потайную кноп-

ку, смонтированную на боковой поверхности тумбы и не видимую для постороннего взгляда.

От Феликса не укрылось движение хозяина, но он ничем себя не выдал и продолжил невозмутимо сидеть на своем стуле. Все так же улыбаясь, Маккейн предложил яблоки гостям. Те вежливо отказались. Сам адвокат выбрал себе одно и отрезал небольшой кусочек. Однако есть не стал – просто держал в руке.

– Несколько лет назад врачи запретили мне курить и предложили яблоки как альтернативу. Я их ненавижу, но, знаете – помогает.

Маккейн повертел кусок яблока в пальцах, затем решительно отложил его. Голос адвоката стал мягким и вкрадчивым:

– Не могли бы вы рассказать о тех, кого вы отправили в прошлое? О ком-нибудь из значительных персон, чье путешествие ощутимо изменило реальность.

Ответил снова Аллен:

– Да, конечно. Мы отправили в прошлое несколько человек. Самый известный из них, пожалуй, – Хью Хефнер.

– Этот старый развратник Хью Хефнер? Основатель и владелец журнала «Плейбой»? А какие у него могут быть проблемы? Половина мужского населения Земли отчаянно завидуют ему, а половина женского – его бесконечным подружкам. И все мечтают хоть недельку пожить как он.

– Теперь – да, в этой реальности он вполне доволен своей

жизнью. Но, поймите, то, что происходит сейчас, – это его вторая попытка. В прошлой реальности судьба Хефнера, по его понятию, была сущей трагедией. В 1944 году, когда ему исполнилось восемнадцать, он пошел в армию и воевал в Европе. Несмотря на юный возраст, он уже имел репутацию завзятого ловеласа. Знакомые прочили ему карьеру нового Казановы. Но с войны Хью вернулся полным импотентом. По официальной версии это стало следствием ранения; другие источники называли менее героическую причину – вовремя не залеченную венерическую болезнь, которую он подцепил во Франции.

Так или иначе, Хью лишился своей главной радости в жизни. В последующие годы он перепробовал все средства, но результата так и не добился. Естественно, это наложило отпечаток на его последующую жизнь. Общение с женщинами он заменил членством в закрытых мужских клубах, преимущественно гастрономического направления. Он совершенно справедливо полагал, что их члены в той или иной степени подвержены такому же недугу и, следовательно, у него не будет опасности попасть в неприятную ситуацию на какой-нибудь особо фривольной клубной вечеринке.

– Итак, старина Хью отправился в прошлое, чтобы восстановить репродуктивные функции своего организма и компенсировать вынужденное воздержание, – Маккейн усмехнулся. – Да уж, в этом он преуспел. Скажите, а чем Хефнер занимался в той, прошлой реальности?

– Хью Хефнер обладает исключительной способностью делать деньги. В прошлой реальности он занялся выпуском пива и со временем создал целую пивную империю. Пиво Хефнера пили во всем мире, а элитный сорт «Хефнер голд» подавали на банкетах вместе с шампанским.

– Понятно. Доктор Аллен, вы сказали, что порой после отправки ваших клиентов в прошлое реальность ощутимо менялась. Что произошло в случае Хефнера?

– О, мир, в котором Хью стал пивным бароном, был полной противоположностью нашему. Общество не выдержало потрясения, пережитого во время Второй мировой войны, и стремилось всевозможными ограничениями предотвратить новую. В частности это коснулось и общественной морали. Американцы вернулись к своим исконным пуританским обычаям. Раздельные пляжи и закрытые купальники, запрет на ношение брюк для женщин, строгий кодекс одежды для всех слоев населения. Полицейский на улице мог оштрафовать бедолагу, вышедшего из дома без шляпы или забывшего повязать галстук. Добровольческие патрули нравственности проверяли, достаточно ли скромно одеты женщины. И, конечно, повсюду властвовала цензура: в кино, в театрах, в газетах и журналах, и даже в художественной литературе. Последнее что я хорошо помню – это полемика в «Нью-Йорк Таймс» о запрещении к продаже и изъятию из библиотек произведений Ги де Мопассана как «развращающих молодежь».

Аллен раздраженно фыркнул:

– А унижение в гостинице, когда портье требует предъявить свидетельство о браке, если вы снимаете один номер с женщиной! Или полицейский из отдела нравственности, который приходит ночью в ваш дом, чтобы проверить с кем вы спите! Лично я просто благодарен мистеру Хефнеру за то, что он как следует встряхнул мир и уничтожил этот сумасшедший дом.

Маккейн задумчиво покачал головой:

– Возможно, возможно... У меня нет оснований вам не верить. Но с другой стороны, согласитесь, сегодня мир впал в другую крайность. Такая распушенность нравов и полная безнаказанность – тоже не лучший вариант общественной морали.

– Не стану спорить, в ваших словах есть доля истины. Но вот что я вам скажу как человек, который может сравнить эти две реальности. Достаточно пройтись в июле месяце по Девятой авеню облаченным в сюртук, галстук и шляпу, как сразу поймешь, что легкая хлопковая майка и джинсы – это величайшее достижение цивилизации.

Аллен улыбнулся, впервые с тех пор как переступил порог кабинета. Маккейн не поддержал его, а просто кивнул:

– Аргумент, конечно, серьезный. И все же, господа, вы изменяете историю. К лучшему или к худшему – не нам судить. И вообще, где они эти критерии... Но факт изменения истории налицо. И это скверно, господа. Очень скверно.

Физики попытались возразить, но Маккейн остановил их:

– Не стоит устраивать дискуссию на такую отвлеченную тему. Есть множество других, более приятных занятий. Вы не откажетесь выпить со мной немного виски?

– Мы не хотим виски, – улыбка на лице Аллена пропала так же быстро, как и появилась. – Мы хотим получить от вас четкий ответ. Вы принимаете наше предложение?

– Я должен подумать, – ответил адвокат. – А пока, позвольте мне в свою очередь рассказать вам одну историю.

Маккейн открыл ящик письменного стола и достал оттуда папку с бумагами. Попутно он снова, теперь уже раздраженно, несколько раз подряд нажал на потайную кнопку. Затем выпрямился, достал из папки фотографию и передал ее Аллену:

– Взгляните на этого человека. Как по-вашему, чем он занимается? Не бойтесь ошибиться – вы все равно не угадаете. Поэтому просто опишите первую ассоциацию, которая придет вам в голову.

Аллен взглянул на карточку. С фотографии на него смотрел самоуверенный чернокожий господин среднего возраста, не лишенный определенного обаяния. Мужчина носил темный костюм, белую рубашку и, пожалуй, чересчур яркий галстук. На его ногах блестели лакированные туфли. Мужчина самодовольно улыбался. Было видно, что он находится в прекрасной физической форме и, вообще, у него в жизни все просто отлично.

Долго не размышляя, Аллен вернул карточку со словами:
– Вы просили первую возникшую ассоциацию?

Адвокат кивнул.

– В таком случае – он тренер университетской команды по баскетболу. Хотя будь я в совете попечителей, то голосовал бы против. Эта слащавая рожа не внушает мне доверия.

Адвокат улыбнулся и протянул фотографию Кельвину. Тот взял ее и молча разглядывал пару минут:

– Насчет баскетбольного тренера – вполне возможно. Со своей стороны рискну предположить, что он профсоюзный деятель районного или даже городского масштаба. Выступает на публике с красивыми речами и проворачивает закулисные делишки.

Он положил фотографию на стол. Адвокат взял ее и некоторое время молча рассматривал.

– Ну что же, джентльмены, я тоже ошибся подобным образом, когда в первый раз увидел этого человека. А между тем, на фотографии изображен один из кандидатов на пост президента Соединенных Штатов. Более того, если бы не мое личное вмешательство, эта фотография сейчас висела на стене вместо фотографии госпожи Клинтон.

Физики переглянулись и недоверчиво уставились на хозяина кабинета:

– Мы видели много изменений реальности. Но негр – президент США? Немыслимо!

– Тем не менее – это правда. А дело обстояло так. От сво-

их друзей по республиканской партии я узнал, что в числе кандидатов на президентские выборы от демократической партии числится вот этот чернокожий господин. Мы все были крайне озабочены этим. Простой расчет показывал, что у него были все шансы выиграть не только внутривыборные, но и окончательные выборы. Мы не без оснований полагали, что чернокожие избиратели все как один проголосуют за «своего». Они выберут Обаму просто потому, что он афроамериканец. Цветное население также не будет особо вдаваться в его предвыборную программу – достаточно того, что избрав афроамериканца, они утрут нос «этим белым». Кроме того, несмотря на то, что Обама во всех анкетах указывает свое вероисповедание как христианское, его семья имеет глубокие мусульманские корни. Это автоматически давало ему голоса мусульманской общины США. И, наконец, наше белое население, страдающее модной ныне политкорректностью, также в большинстве проголосует за афроамериканца, чтобы не дай бог не нарушить придуманные ими самими правила поведения.

– Простите, что перебиваю вас, – вмешался Аллен. – Но может это и к лучшему? Если подавляющее большинство населения страны поддержит одного и того же кандидата, то он сможет спокойно работать на благо страны и все останутся только в выигрыше? Ваши слова для нас, действительно, стали неожиданностью, но, возможно чернокожий президент – это действительно удачный выход для Америки.

Адвокат усмехнулся:

– Ну вот, вы уже забыли все, что только что говорили об этом человеке, и пустились в абстрактные рассуждения. Кроме подходящего цвета кожи, президент обязан обладать и более важными качествами. А вот их, при ближайшем знакомстве с досье этого кандидата, я не обнаружил. Объективный прогноз его деятельности не сулил ничего хорошего. Я и мои друзья по республиканской партии были убеждены, что на посту президента Обама причинит непоправимый вред нашей стране, а возможно, и многим другим.

Мистер Маккейн прервался и прислушался к чему-то одному ему известному. Ничего не дождавшись, он продолжил:

– Мы решили не допустить Обаму до выборов. Из досье я узнал, что Обама происходит из семьи иммигрантов. Документы о его рождении в США показались мне сомнительными. Как известно, президентом может стать лишь уроженец Соединенных Штатов, а это Обама мог доказать с большим трудом.

На этом факте я построил обвинительное заключение об отводе кандидатуры Обамы. По нашему запросу было созвано внеочередное заседание Сенатской комиссии.

Заседание проходило в напряженной обстановке. Дело опять же упиралось в цвет кожи кандидата. Если бы на месте Обамы был белый, то комиссия, не раздумывая, согласилась бы с нашими доводами и дала отвод. Гораздо спокойнее сра-

зу отстранить кандидата, чем потом допустить скандал, который пресса раздует во время избирательной кампании: рано или поздно журналисты раскопают соответствующие документы.

Но с афроамериканцем все обстоит иначе. Даже имея стопроцентные доказательства, члены комиссии прекрасно понимали, что в случае отвода его кандидатуры, правозащитники обязательно воспользуются случаем, чтобы обвинить их в расизме. И пусть комиссия будет безоговорочно права, все равно на репутации каждого останется пятно.

Как я уже сказал, слушание проходило тяжело. Я чувствовал, что сенаторы склоняются к решению разрешить Обаме участвовать в выборах. И тогда я решился на откровенный блеф.

Я попросил слова и сказал примерно следующее: «Господа! Вам известна моя профессиональная репутация. За последние десять лет я не проиграл ни одного слушания в суде. И это происходило не из-за того, что я такой уж выдающийся адвокат. Секрет в том, что перед тем как взяться за очередное дело, я всегда тщательно изучал все составляющие. И только придя к выводу, что сторона, которую я буду представлять в суде, имеет полностью обоснованную позицию, — только тогда я соглашался. Я никогда не брался защищать сомнительные иски, в которых не был уверен сам. Одного моего появления на судебном разбирательстве зачастую оказывалось достаточным, чтобы судья, зная мою репу-

тацию, принял решение в пользу моих подзащитных. И вот я спрашиваю вас, неужели после десяти лет безупречной карьеры я стану отстаивать иск, который не имеет стопроцентного подкрепления? Неужели вы можете поверить, что я настолько лично заинтересован в результате данного расследования, что готов пожертвовать профессиональной репутацией?»

Сенаторы долго совещались в закрытой комнате, но решение было принято в нашу пользу. Обама отказали в регистрации. Позже один из членов комиссии рассказал мне, что решающим аргументом в пользу принятия решения оказалось мое последнее эмоциональное выступление. Меня знали как одного из самых холодных и рассудочных адвокатов. Неожиданное эмоциональное выступление буквально потрясло конгрессменов и оказалась последней соломинкой, перетянувшей чашу весов в нашу сторону.

Маккейн замолчал. Оба физика с изумлением смотрели на него. Адвокат взял из вазы яблоко, отрезал от него кусок, но, как и в прошлый раз, есть не стал.

– Вот такая история. Как видите, кроме меня никто другой с этим не справился бы. А теперь я спрашиваю вас, имею ли я право перечеркнуть все сделанное и отправиться в прошлое? Имею ли право ради собственного благополучия поставить под сомнение будущее моей страны?

Физики переглянулись.

– Мистер Маккейн, мне кажется, что вы излишне драма-

тизируете ситуацию... – начал Кельвин.

Договорить он не успел. В прихожей раздался звонок. Феликс встал и быстро вышел. Дверь распахнулась, и в комнате как-то сразу стало тесно. Неожиданно там оказались двое громадных полицейских с револьверами в руках, которые они тут же направили на сидевших посетителей. Вслед за ними вошел Феликс, также вооруженный пистолетом. Последним в комнате появился инспектор полиции – полный краснолицый мужчина, с незажженной сигарой в углу рта. Он мельком взглянул на сидящих в креслах физиков и подошел к столу адвоката.

Маккейн раздраженно обратился к нему:

– Однако вы не торопились, Креммер!

Инспектор вынул сигару изо рта, рассмотрел ее и спрятал в нагрудный карман пальто. Он никогда не курил сигары, а лишь жевал их.

– У меня и без вас много работы.

– А я должен устраивать целое представление, чтобы задержать их до вашего прихода, – Маккейн мотнул головой в сторону физиков, обалдело таращившихся на направленные в их сторону револьверы сорок пятого калибра.

– Ладно, старый ворчун, что вы приготовили мне на этот раз?

Маккейн, насколько мог, выпрямился в своем кресле:

– Я предъявляю этим господам обвинение в вымогательстве крупных сумм денег и в целом ряде убийств.

Инспектор впервые повернулся в сторону физиков и окинул их быстрым взглядом. Потом повернулся к адвокату:

– Надеюсь, у вас есть доказательства?

– Думаю, вы найдете их самостоятельно. Поднимите все нераскрытые случаи исчезновения людей за последние пару лет. Сосредоточьте внимание на богатых людях, ставших инвалидами в результате несчастного случая в молодости. Я не без оснований предполагаю, что эти молодые люди выманивали у них большие суммы денег, а затем убивали их.

– Ну-ну, – с интересом произнес Креммер. – А подробнее можете рассказать?

– Разумеется, – Маккейн откинулся на спинку кресла. – Сегодня ко мне пришли эти двое молодых людей, представились сотрудниками секретной физической лаборатории и рассказали, что нашли способ путешествия во времени.

– Вот как? – Креммер вновь достал сигару и принялся ее жевать.

– Именно. У них заготовлена целая история, но это не важно. Факт в том, что они предложили перебросить мое сознание на сорок пять лет назад в день, когда загорелся мой самолет. Мне пообещали, что я окажусь в своем теле за несколько минут до катастрофы и успею благополучно катапультироваться. Таким образом я снова окажусь в 1965 году в своем прежнем здоровом и молодом теле и проживу новую полноценную жизнь. Эти господа были чертовски убедительны. Полагаю, я далеко не первый к кому они обраща-

ются с подобным предложением. И я хорошо понимаю их жертв, уставших от тяжелой болезни, от непреходящей боли, от неприятных ежедневных бытовых проблем и просто от неполноценной жизни – эти люди вполне могли согласиться рискнуть.

Креммер кивнул:

– Кажется, я вас понял. Значит, ребятки приходили к богатым инвалидам, рассказывали байку про машину времени и предлагали отправить их в прошлое, где те снова станут молодыми и здоровыми. С тех, кто соглашался, они брали за услуги крупную сумму, а затем увозили якобы в эту свою секретную лабораторию, а на самом деле убивали и потихоньку избавлялись от трупа.

– Совершенно верно, инспектор. Только они брали со своих жертв не просто крупную сумму. Они забирали все их состояние.

Инспектор обернулся к сидящим физикам:

– Даже так?

Доктор Кельвин был настолько ошарашен, что никак не отреагировал. Зато Аллен буквально взвился в своем кресле:

– Да как вы смеете обвинять нас в подобной мерзости! Я буду жаловаться! Мы доктора наук, сотрудники Доуссоновской лаборатории.

– Конечно, конечно, – усмехнулся инспектор. – И что это меняет? Я арестовывал и куда более важных персон.

Креммер дожевал свою сигару и расплющил остатки в

идеально чистой антикварной пепельнице.

– Ну, Маккейн, вижу вы хотите еще что-то добавить?

– Понимаете, Креммер, то, что дело нечисто, я заподозрил с самого начала. Но окончательно я все понял, когда они упомянули про золото.

– Какое золото? – насторожился Креммер. – Вы ничего не говорили о золоте.

– Когда мне предложили перевести все свои сбережения в золотые слитки и вместе с ними отправиться в лабораторию для отправки в прошлое, я все понял. Что может быть проще и безопаснее, чем убить и ограбить одинокого инвалида с портфелем набитым золотыми слитками! Золото, в отличие от банковских чеков, ценных бумаг или денежных знаков, отследить практически невозможно. Это – идеальное ограбление.

Креммер повернулся к полицейским:

– Наденьте на них наручники и отведите в машину.

Вечером Маккейн с Феликсом ужинали в большой, богато обставленной столовой. По установившейся традиции во время совместных трапез отношения «секретарь-хозяин» временно отменялись, и мужчины вели себя как старые добрые друзья, которыми и являлись на самом деле.

– Знаешь, Джон, в какой-то момент я был готов поверить, что парни говорят правду. На первый взгляд все так логично связано. Никаких противоречий, всему готово объяснение. Особенно убедительной мне показалось история Хефнера.

Такое трудно придумать.

Маккейн кивнул:

– Тут я, пожалуй, соглашусь с тобой. Мне всегда казалось, что сексуальная революция шестидесятых прошла неестественно легко и быстро. Как будто кто-то умелый незаметно руководил всем. Если допустить, что машина времени действительно существует, то наш милашка Хефнер идеально подходит на роль человека, совратившего целую страну.

– Выходит, ты допускаешь, что эти типы говорили правду?

– Конечно, нет. Просто всегда интересно взять новую гипотезу и прикинуть, что из этого может получиться.

– Хорошо. – Феликс прожевал кусок мяса и продолжил: – Допустим, чисто гипотетически, что машина времени существует. Ты бы согласился отправиться в прошлое?

– Ловишь меня на слове?

– Конечно. Давай, разоведем твою гипотезу до конца.

Маккейн принялся резать ножом свою отбивную. Изрезав ее на мелкие кусочки, он отодвинул от себя тарелку.

– Очень сложно дать однозначный ответ. Казалось бы, я должен броситься в такое путешествие, не задумываясь. В самом деле, стать молодым и здоровым – что может быть привлекательнее?

Маккейн взял бокал с вином и отпил хороший глоток.

– Но с другой стороны, предполагается, что я сохраню память о прошлой жизни. Значит со мной останется вся тя-

жесть прожитых лет. Ты еще молод, Феликс, тебе не знакома эта бесконечная усталость, которая овладевает человеком в старости. Это не физическое явление – устает мозг, устает душа. Я допускаю, что Хью Хефнера настолько мучили несбывшиеся сексуальные фантазии, что для него путешествие стало избавлением. Но лично мне будет очень трудно снова стать тридцатилетним. О чем я стану говорить со сверстниками? Их проблемы больше не волнуют меня. Я давно нашел ответы на вопросы, которые они с таким жаром обсуждают. И наделал все глупости, которые им еще только предстоит совершить. Кроме того, карьера военного летчика совершенно непредсказуема. Пока дослужишься до адмирала... Нет, Феликс, не думаю, что меня привлекло бы подобное путешествие.

– Не кокетничай. Ты просто расстроился оттого, что на какой-то миг сам поверил в возможность возвращения в молодость.

– Хитрец. Ты знаешь меня лучше, чем я сам. Наверное, ты прав. Я бы с удовольствием сейчас оказался в кабине своего Дугласа. А потом бы отправился в бар и подцепил молодую девчонку. – Он залпом допил вино. – Ну что ты надо мной издеваешься! Взял и испортил настроение.

– Ну, прости. Я только продолжил твою собственную игру. Давай все-таки ее завершим.

– Ну, хорошо, – нехотя согласился Маккейн. – Я уже признался, что готов по первому предложению отправиться в

прошрое. Чего тебе еще?

– Ну, например... как насчет Обамы?

– Что насчет Обамы? – искренне удивился адвокат.

– Сегодня утром ты рассказывал, как ценой невероятных усилий не допустил Обаму в Белый дом. А что теперь? Ты уже позабыл о своей ответственности перед американским народом? Перед всем прогрессивным человечеством?

Маккейн рассмеялся:

– Вот только прогрессивного человечества нам тут и не хватало. Я просто пудрил мозги двум жуликам, ожидая пока прибудет полиция.

Феликс отложил вилку и пристально поглядел на друга:

– Джон, я хорошо помню ту историю. Для тебя и в самом деле это очень важно. Ты не сможешь просто так все бросить! А вдруг Обаму и в самом деле выберут президентом?

Маккейн хитро улыбнулся:

– Если верить фантастическим романам, которых я прочел немерено, то никуда мне от него не деться. Если однажды мы с ним уже столкнулись, то рано или поздно, так или иначе, в новой жизни наши дорожки обязательно пересекутся. А там уж поглядим кто кого.

Посмеявшись, мужчины вновь принялись за еду. Когда подали десерт, зазвонил телефон. Феликс немедленно вспомнил свои обязанности секретаря.

– Алло, да это я. Слушаю вас, мистер Креммер. Что? Не может быть! Да, я сейчас же передам трубку хозяину.

Маккейн протянул руку за трубкой и спросил:

– Ну что там? Наши друзья раскололись? – Он увидел вытянувшееся от удивления лицо Феликса и осекся: – Неужели...

Примечание

Джон Сидни Маккейн, бывший военный летчик, был основным кандидатом от республиканцев на выборах Президента США 2008 года, где потерпел поражение от демократа Барака Обамы.

Все детали биографии Маккейна в рассказе подлинные. Исключение составляет увлечение Маккейна фантастикой – это вольное допущение автора. Впрочем, оно относится к той, предыдущей реальности.

Евгений Якубович

Воскресный папа

– Почему ты приехал так поздно?

Автоматически смотрю на часы. Половина первого.

– Не так уж и поздно. День только начинается.

– Ребенок с утра ничего не ест, не хочет играть, только стоит возле калитки и кричит: «Папа, где ты? Папа, приходи!»

Сердце привычно сжимает волна боли. Я морщусь, потом прихожу в себя. Оглядываюсь по сторонам. Двор пуст.

– Где же он?

Небольшая, едва заметная пауза.

– Я его с трудом уговорила, он у себя в комнате, собирает игрушки. Он все время тебя ждет. Ему тебя не хватает. – Она уже забыла, что я поймал ее на лжи, и переходит в наступление. – Он все время спрашивает, где ты, когда ты придешь. Мальчик не может расти без отца.

Это мой крест. При первой возможности мне напоминают, что ребенок растет безотцовщиной. Что ему очень плохо без меня. Тут я с ней согласен. С матерью ему плохо. Но что я могу сделать? К тому же сегодня я и в самом деле чувствую себя неуверенно.

– Послушай, – начинаю оправдываться. – Я несколько раз

звонил, но было занято. Я сегодня очень занят, надо закончить проект, я вообще с трудом вырвался из офиса. Пусть он сегодня побудет дома, а я заеду завтра, прямо с утра. Не возражаешь?

Она возражает. Объясняет, что я последнее дерьмо, что искалечил ей жизнь. А теперь уродую ребенка. Он целыми днями просится к папе, и вот нате вам, даже в положенные выходные, он останется без отца.

Это означает, что у нее есть вполне определенные планы на сегодня. Я обязан забрать мальчишку на все выходные, чтобы освободить квартиру для очередной двухдневной гулянки.

Из дома слышны мужские голоса. Она, похоже, уже слегка на взводе. Или мне только кажется? Когда эта скромная беззащитная девушка, интеллигентная и, безусловно, талантливая, превратилась в бесстыжую распутную бабу, отчаянно цепляющуюся за остатки красоты и молодости?

– Ну, подумай сама. Я еду в офис и пробуду там до позднего вечера. Все заняты по горло. Что он там будет делать? Сам намается и других замучает. Проведи с ребенком хоть один выходной сама.

Ее лицо меняется. Только что она играла роль заботливой матери, а сейчас передо мной она истинная. Холодная, запредельно эгоистичная женщина, живущая сиюминутными собственными желаниями.

– Ничего не хочу знать. Если ты сейчас же не забереешь

сына, я позвоню адвокату, и тебя вообще лишат прав на свидания. Я не шучу.

Знаю, не шутит. Она всегда играет со мной ва-банк. И всегда выигрывает. Я вздыхаю.

– Ладно, пошли, заберу его.

В дом меня не пускают. Значит, голоса не слышались. Они уже начали, поэтому с таким нетерпением хотят сплавить ребенка.

– Подожди здесь, я сама его выведу.

Я жду. Они выходят ровно через минуту. Малыш бросается ко мне, прижимается всем тельцем. Затем выпаливает:

– Папа, а почему мама говорит, что ты меня забыл?

Ищу глазами жену. Она уже скрылась за калиткой.

Я остаюсь вдвоем с сыном. Мы идем к машине. Он устраивается на любимое место – стоя, за спинкой водительского сиденья – и сладко дышит прямо мне в ухо. Так бы и сидел, не шевелясь, чтобы не спугнуть короткий миг счастья.

Завожу мотор, и мы едем. По дороге малыш рассказывает свои новости. За неделю их набралось достаточно. Слушаю и улыбаюсь – парень научился лихо разруливать свои детские проблемы.

Усмехаюсь. Наверное, если бы меня в свое время водили в детский сад и отправляли на все лето в пионерский лагерь, я был бы более подготовлен к семейной жизни.

В офисе я отдаю мальчика на попечение секретарши и погружаюсь в работу. Незаметно наступает вечер. В комнату

входит Лена с подносом. На нем пара бутербродов и большая чашка кофе. То, что мне сейчас необходимо. Голова больше не работает. Я отвожу глаза от монитора.

– А где малыш?

Она улыбается.

– Вспомнил. Я нашла в шкафу электрическую пишущую машинку и показала, как печатать. Теперь его не оторвать.

Я прислушиваюсь. Из-за двери доносятся пулеметные очереди. Не знаю, как там у него с орфографией, но по скорости печати парень перещеголяет любую профессиональную машинистку. Киваю головой.

– Спасибо.

Лена улыбается. Она числится секретаршей, но выполняет и кучу других дел. А по совместительству еще и мой личный психолог-психоаналитик. Она разворачивает кресло и садится ко мне на колени. Обнимает за шею.

– Когда ты от нее освободишься?

Недоуменно смотрю ей в глаза.

– Разве я привязан?

– Ты до сих пор ее любишь.

– Неужели?

Удивляюсь, задумываюсь. Некоторое время молчу, потом качаю головой.

– Нет, не может быть.

– Мне виднее, – отвечает Лена. Она изучающе смотрит на меня, потом продолжает. – Ну-ка, признайся, она была у

тебя первой женщиной?

Я киваю головой.

– Как ты умудрился остаться девственником до брака?

– Ну, во-первых, мы поженились очень рано. А во-вторых, на одной пьянке приятель, известный гуляка, сказал мне. «Если хочешь быть счастлив в браке, не связывайся с другими женщинами. Попробуешь чужую, со своей счастлив не будешь».

– И ты послушался такой глупости?

– Да как тебе сказать. Просто так сложилось. Кстати, насчет самого себя он оказался прав. Уже дважды разводился.

– Не знаю, – она пожимает плечами. – Наверное, он просто заранее готовил себе оправдание. А вот у тебя типичный комплекс первой женщины. Ты не можешь ее забыть. Тебе срочно нужно найти кого-то другого.

Я опять пожимаю плечами.

– Да не нужен мне сейчас никто.

– А как же ты живешь?

– Работаю. В пятницу вечером – преферанс. А все выходные с сыном. Ты не представляешь, это так здорово.

– Ну, почему же, представляю. Цирк, зоопарк, кафе, мороженое. Все детство мечтала о таком папе. – Она берет мое лицо в ладони и пристально смотрит в глаза. – И долго так собираешься жить? Он скоро вырастет и перестанет в тебе нуждаться. А ты за это время превратишься в старика.

– Не преувеличивай.

– Именно в старика. Причем в старика одинокого. Ты ведь даже не ищешь никого.

– У меня нет на это времени.

– Вот и я о том же.

Я обнимаю ее за талию. Пытаюсь поцеловать. Она отворачивает голову, и я неуклюже чмокаю ее в щеку.

– Мне никто не нужен. У меня есть ты.

Она смеется.

– Меня у тебя нет. Я просто твой друг.

– Но, мы все же...

Она резко обрывает меня.

– Один раз не считается. И потом, не кажется ли тебе, что роман с собственной секретаршей – это пошло?

Лена неувловимым движением убирает мою руку. Ерошит мне волосы на затылке и быстро встает. Придвигает кофе и бутерброды.

– Поешь и заканчивай работу. Уже поздно, ребенку пора спать.

В дверях она останавливается и тихо говорит:

– Разберись, наконец, со своей жизнью. Сколько можно плыть по течению.

Лена выходит из комнаты. Мне слышно, как малыш что-то ей рассказывает и они вместе смеются.

Вздыхаю и закурываю очередную сигарету. Сколько я сегодня уже выкурил? Пачку, две?

Утром меня будит телефон.

– Ужасные новости!

– Что, кто?

– Говорю, ужасные новости. Сейчас по телевизору объявили, что с завтрашнего дня прекратят производство пива.

– И что?

– Поэтому сегодня надо успеть выпить все остатки. Я уже запасся и еду на дачу. А ты приезжай, когда сможешь. Мне одному не справиться.

Я, наконец, просыпаюсь. Это – Олег, он же Старый. Его ненавязчивый юмор ни с чем не спутаешь.

– Слушай, Старый, а нельзя ли чуть погодить с пивом? У меня билеты в детский театр.

– Сколько еще годить? На следующей неделе у тебя будет цирк, потом аттракционы. Месяц не виделись. Ты о чем думаешь? Короче, садись в машину и приезжай.

– А обратно? Я с пивом в животе за руль не сяду.

– Вернешься завтра утром.

Пытаюсь в уме составить схему действий. Ребенка надо вернуть сегодня вечером. С другой стороны, если я отвезу его завтра прямо в сад, ей будет только легче. Надо только позвонить и предупредить.

И в самом деле, такая чудесная погода. Почему бы не выехать на природу? Мальчишке у Старого на даче будет очень хорошо.

– Уговорил, красноречивый ты мой, приеду. Что захватить?

– Как обычно. Что привезешь, то и будешь лопать. – Олег смеется. – Главное себя не забудь. Тебя тут ждут.

– Ждут? Кто?

В трубке короткие гудки. Я пожимаю плечами. Ладно, на месте разберемся. Потягиваюсь. Однако и в самом деле пора вставать. А где малыш? Кроватка пуста. Мальчишку нахожу на кухне. Он готовит себе завтрак. Открыл холодильник, отломил кусок колбасы. Вооружился самым большим ножом и кромсает хлеб.

– Малыш, что же ты не разбудил меня?

– Мама сказала, что взрослых по утрам будить нельзя. А я хочу есть.

Понятно. Новый этап воспитания, чтобы ребенок не мешал утром спать.

– Взрослых будить можно. Нельзя одному на кухне хозяйничать, да еще с ножом.

Неожиданно сын спрятал нож за спину. Упрямо насупился.

– Мама сказала, что я должен уметь все делать сам. Вот за тебя все делали родители, и ты стал неудачником.

– А ты знаешь, что такое неудачник?

– Нет. Это так бабушка говорит. А еще она говорит, что ты сволочь. Почему?

Прекращаю разговор, отбираю у сына нож, и мы отправляемся в ванную. Там я ставлю его под душ, мою, заворачиваю в полотенце и оставляю сохнуть. Потом тоже прини-

маю душ и бреюсь. Спыхватываюсь — ребенок ведет себя подозрительно тихо. Ага, ну конечно. Парень внимательно разглядывает свою мордочку в зеркале ванной, водит вокруг щек пальчиком, повторяя движения моей бритвы, и приговаривает: «еще здесь надо и вот здесь». Малыш всерьез собрался побриться. При его самостоятельности ждать осталось недолго.

Я решаю играть на опережение. Заменяю кассету в бритве пустышкой и вожу по лицу мальчугана. Потом набираю полные ладони одеколona и сильно тру ему щеки. Он вопит, стремительно теряет интерес к процедуре и заявляет, что больше вообще никогда бриться не будет. Вот и славно.

Мы едем по загородному шоссе. Малыш стоит на боевом посту за спинкой кресла и засыпает меня вопросами. Вопросы самые разнообразные, от «Почему, когда я сплю, я ничего не помню?» и до «А как делают электрические лампочки?». Предсказать очередной вопрос невозможно, остается только парировать их с лету, как теннисист у сетки.

На выезде из города останавливаюсь заправиться. Малыш категорически отказывается ждать в машине и выходит вместе со мной. По случаю воскресенья на заправке самообслуживание. Я иду к кассе, расплачиваюсь, потом бегом возвращаюсь к машине. Малыш, не отставая, носится за мной.

Вставляю пистолет в бак и перевожу дух. Краем уха слышу, что он опять о чем-то спрашивает. Мне некогда, надо следить за бензином. Не оборачиваясь, бросаю:

– Не знаю.

Наконец, бак полон. Мы садимся в машину и трогаемся с места. Малыш непривычно тихий. В зеркале заднего вида вижу его глаза. В каждом застыло по огромной слезе.

Останавливаюсь на обочине и усаживаю его к себе на колени.

– Что случилось, маленький?

– Ты сказал, что не знаешь!

В его глазах ужас. Мир рушится.

Опять щемит сердце. Прижимаю к себе худенькое крошечное тельце. Слушаю сердечко, которое бьется, как воробушек. Целую его в макушку.

– Ну, что ты, я просто не расслышал. Давай еще раз.

Он повторяет вопрос. Подробно отвечаю. Мы сидим еще минут пять и беседуем. Малыш уже спокоен, он снова вертит головой, исследует окружающий мир, впитывает новые впечатления. Готовит новые вопросы. Мы едем дальше.

На даче раздеваю мальчишку до трусиков и пускаю бегать по двору. Он тут же с визгом бросается догонять соседскую кошку. Отпуск на природе начался.

Меня действительно ждут.

– Здравствуй, Света!

Дежурный поцелуй в щеку.

– Здравствуй.

– Прекрасно выглядишь.

– Ты тоже.

Напряженная пауза. Обмен ничего не значащими словами. Интересно, сколько лет мы не виделись? Говорить, а тем более спрашивать о чем-то серьезном не хочется. Незаметно скашиваю глаза на ее правую руку. Кольца нет. Она ловит мой взгляд, чуть заметно мрачнеет.

Зовут к столу. Кроме Олега с женой, меня с сыном, и Светы на даче больше никого нет. Усаживаемся. Я зову малыша. Он прибегает и, мгновенно оценив ситуацию, втискивается между мной и Светой.

Погода теплая. Я снял пиджак и остался в джинсах и майке. Женщины еще до моего приезда переоделись в купальники. Старый сообщил, что надо пользоваться последними теплыми денечками, и остался в одних шортах.

Все проголодались и набросились на еду. Стол накрыт во дворе, обстановка самая непринужденная. Малыш в центре внимания. Его тискают, целуют, требуют рассказывать стихи. Парню это быстро надоедает, и он с куском пирога в руке уходит к кустам у забора.

Время летит незаметно. Общий добродушный треп, немудреная дачная еда, пиво и бесконечные сигареты. Все время оглядываюсь и слежу за малышом. Он деятельно исследует территорию двора. Вот он окончательно запутался в кустах, заревел, и я бегу вытаскивать его.

Ревущее растрепанное существо взбирается ко мне на руки, обнимает за шею и тут же успокаивается. Он уже не боится и готов к новым подвигам. Я несу его обратно за стол, уса-

живаю на облюбованное им место. Мокрой салфеткой вытираю испачканную мордашку и коленки. Света достает из сумочки расческу и причесывает его. Так в четыре руки под общий смех мы приводим маленькое чучело в человеческий облик.

Но это ненадолго. Через минуту он снова носится по двору. Продолжаю следить за ним. Света что-то рассказывает мне. Я слушаю невнимательно, меня беспокоит малыш. Что-то он слишком разошелся.

Света прерывает рассказ.

– Расслабься хоть на минуту. Ты же не слушаешь меня.

– Да нет, я с тобой.

– Куда там. Старый говорил мне, но я не думала, что все так серьезно.

– Что серьезно? – переспрашиваю я.

– Сам знаешь.

Я знаю. Это маленькое лохматое существо занимает в моей жизни так много места, что все остальные едва умещаются там.

Жена Олега подходит к малышу и берет его за руку.

– А ты знаешь, у соседей есть маленькие щеночки. Хочешь посмотреть?

Глаза сына загораются огнем. Он вцепляется в ее руку, и они отправляются смотреть щенят.

Света берет меня за руку и мягко увлекает за собой. Мы встаем и идем к дому. По дороге я пытаюсь обернуться и

чувствую, как ее ладонь с силой сжимает мою. Мы поднимаемся на второй этаж. Там в крохотной мансарде Старый оборудовал так называемую гостевую спальню. На полу в ряд лежат три матраса и несколько подушек. Больше ничего нет. Я нерешительно останавливаюсь.

Света все также молча подходит, поднимает руки и кладет их мне на плечи. Она по-прежнему в одном купальнике. От нее пахнет солнцем и свежескошенной травой. Я протягиваю руки и обнимаю ее...

Мы лежим на матрасе, уставшие, умиротворенные.

– Дай мне сигарету, – просит Света.

Я нахожу в углу свой пиджак, лезу в карман. Рука натывается на сотовый телефон. Черт, я же так и не позвонил.

Прикуриваю сигарету и передаю ее Свете.

– Прости, мне надо позвонить.

Быстро одеваюсь. Света молча курит. Спускаюсь во двор. Уже темнеет.

Набираю номер. Отвечает незнакомый мужской голос. Прошу позвать ее. Длинная пауза. Наконец она берет трубку и мурлыкающим голосом произносит:

– Привет!

– Привет!

Ее голос тут же меняется, становится холодным, металлическим.

– А, это ты. Что опять случилось?

– Да ничего. Просто хочу оставить мальчишку у себя но-

чевать. А завтра отведу его в сад. Ты не возражаешь?

Она возражает.

– Ты обязан привести его в восемь вечера.

Пытаюсь объяснить ситуацию. Она не слушает.

– Я сейчас же звоню адвокату. Если в восемь часов мальчика не будет дома, можешь с ним попрощаться.

Я тоже завожусь.

– Перестань пугать меня адвокатом. У меня может быть своя жизнь?

– Очень хорошо. Если ребенок тебе в обузу, я немедленно тебя освобожу от нее.

Мы пререкаемся еще минут пять. Она заводит себя, еще немного и начнется скандал. Все бесполезно.

Остервенело жму на кнопку. Рука продолжает сжимать телефон. Вот так бы сжать ее горло и все проблемы исчезнут.

Ищу глазами сына. Он сидит на корточках возле муравейника и палочкой проводит какой-то эксперимент. Я зову, но он настолько поглощен своим занятием, что не слышит. Приходится хватать его в охапку и силой впихивать в машину.

На вопли выходит Старый.

– Ты куда собрался?

– Надо срочно возвращаться.

– Подожди, куда ты в таком состоянии. Поезжай на электричке.

Смотрю на часы. Времени катастрофически мало.

– На электричке не успею. К тому же завтра с утра куча

беготни, без машины не справлюсь. Ладно, доберусь как-нибудь.

– Ну зайди хотя бы в дом, попрощайся.

– Не могу. Полный цейтнот. Прощайся за меня.

Он жмет мне руку, целует малыша и скрывается в доме.

Когда выезжаю, замечаю Свету, которая внимательно следит за мной из окна мансарды. Обещаю себе, что завтра обязательно позвоню ей.

Мы едем по ночному шоссе. Малыш спит на заднем сиденье. Меня тоже неудержимо тянет в сон. Глаза закрываются сами. Сейчас бы включить радио, найти музыку поглупее да попротивнее и врубить ее на полную катушку. Ладно, не будить же малыша. Справлюсь и так.

За окном совсем темно. Фары встречных машин гипнотически появляются и пропадают. Машина идет легко, сама по себе. Как славно, оказывается мне вовсе не надо управлять. Можно отпустить руль, закрыть глаза и расслабиться. Теплая волна окутывает тело.

Вздрагиваю и просыпаюсь. В глаза бьет резкий свет. Я еду по левой полосе. Встречная машина отчаянно сигналиит мне фарами. В последний момент успеваю резко вывернуть руль вправо. Тяжелый грузовик сбивает боковое зеркало, ударяет в заднее колесо и исчезает в темноте. Машину начинает разворачивать. Резко торможу, отчаянно пытаюсь удержаться на дороге. Машину заносит, она подпрыгивает и летит с откоса вниз.

В последнем усилии я бросаю ненужный теперь руль и пытаюсь перепрыгнуть на заднее сиденье, прикрыть мальчишку. Мир переворачивается вверх ногами. Сильный удар. Тишина. Пустота. А надо жить дальше...

Я вылезая из покореженной машины, беру спящего малыша на руки. Он согласно кладет голову мне на плечо, и мы идем по дороге.

Юрий Лопотецкий

Расщепление горизонта

– Осторожно возьмитесь правой рукой за правую ягодицу; левой рукой – за левую; нагнитесь параллельно полу и после этого – медленно раздвиньте ягодицы в противоположные от отверстия стороны.

– Простите?

– Для особо одаренных повторяю. Осторожно возьмитесь правой рукой за правую ягодицу; левой рукой – за левую; нагнитесь параллельно полу и только после этого – медленно раздвиньте ягодицы в противоположные от отверстия стороны. Сделали?

– Простите – нет.

– В чем проблема?

– В «противоположную» от какого отверстия?

– Вы ненормальный?

– А вы?

Врач, заинтригованный необычным поведением, очнулся. Озадаченно прервал рутину раз и навсегда заведенного ритуала. Осоловело вылупил недоуменные глазки, оторвавшись от grossбуха со списком болезных. Сидя – как обычно – спиной к раскоряченному пациенту, он даже соизволил развернуться вполоборота в порыве сильнейшего изум-

ления. Однако то, что он обнаружил, повергло его в еще большее удивление. Практически – в шок. Челюсть отвисла, очки медленно полезли на лоб. Оригинальный? Или кретин?

– Больной, вы что...

– Кто вам сказал? – пациент, выглядывая из-за увесистой задницы, прервал врача на полуслове.

– Что сказал?

– Что я – больной.

– Ну как же...

– Послушайте, уважаемый. Я нахожусь на первичном осмотре. О том, болен я или нет, может сделать заключение лишь компетентная комиссия. Но не сейчас, а только после окончания тщательного осмотра всеми специалистами клиники. Вы согласны?

– Хм... Пожалуй.

– Не кажется ли вам, что называть меня больным допустимо только в том исключительном случае, если как минимум один специалист из всей представительной комиссии найдет у меня недопустимые отклонения от нормы?

– Да... Пожалуй.

– Считаете ли вы, что все сказанное выше – звучит вполне логично?

– Да...

– Тогда на каком основании вы только что назвали меня больным, а несколько ранее высказали скороспелое предположение, что я – ненормальный?

– Приношу свои извинения.

– Принято. Но впредь, уважаемый, вы – обязуетесь не называть меня больным.

– Хорошо. Но и вы поймите меня правильно...

– Будьте уверены: уж вас-то я пойму правильно! Итак, внимательно слушаю!

– Согласитесь, боль...

– Простите?

– Э... товарищ...

– Ну?

– Что я, по-вашему, должен думать, наблюдая, как вы, согнувшись, недвусмысленно пытаетесь раздвинуть ягодичы через ткань брюк?

– А что я, по-вашему, должен был делать?

– Как то есть что? Вы должны снять брюки и трусики – если они у вас есть, и лишь затем раздвигать ягодичы руками!

– Вроде бы логично. Но это, доктор, ложная логика. С одной стороны, казалось бы, звучит здраво. Но давайте, уважаемый, вспомним: разве вы говорили, что я должен снять брюки и тем более – трусики, если, конечно, они у меня есть?

– Знаете что, больной...

– Что вы сказали???

– Простите... э... товарищ... Видите ли, батенька, есть вещи, которые настолько очевидны, что не требуют специальных дополнительных уточняющих пояснений...

– Да-а-а? Вы, доктор, в этом уверены? То есть вы, как

адекватный человек со здравым рассудком, беретесь авторитетно утверждать, что все инструкции, когда-либо высказанные вами в этом кабинете, всегда не только логичны, но и звучат лишь в том исключительном случае, если кому-то требуются дополнительные уточняющие пояснения?

– Берусь!

– Ой ли? А скажите-ка, уважаемый... Отчего вы решили, что я должен сам догадаться снять брюки и даже – трусики, если, конечно, они у меня есть, но при этом – мне, такому чертовски догадливому, было неясно, прямо-таки невдомек, что левую ягодичку принято раздвигать левой рукой, а правую – правой???

– Ну-у-у...

– Не уходите от ответа! Извольте внятно и недвусмысленно пояснить, с какой такой стратегической целью вы настойчиво дважды(!) уточнили, что левую ягодичку раздвигать именно левой рукой, а правую – правой? Чего вы молчите? Чего вы в рот набрали? Вы полагаете, что кто-то додумается шаловливо поменять руки?

– Э-э-э...

– А может вам пришло в голову, что найдется оригинал, который изощрится раздвигать ягодички не руками, а чем-то иным? Или в природе встречаются индивидуумы, владеющие искусством раздвижения посредством усилия воли – по аналогии с экзотической практикой шевеления ушами?

– Ну-у-у...

– Уточните: для вас принципиально сначала нагнуться, а лишь затем раздвигать? Предварительно раздвинуть перед изгибом – что, опасно для здоровья?

– Не совсем понял... э-э-э... первый тезис... По поводу шаловливой смены рук.

– Извольте, я поясню. Лично вы – пробовали когда-нибудь раздвигать собственную задницу следующим специальным образом: левую половину правой рукой, а правую – левой?

– Н-н-нет...

– Мда... Вы знаете, я почему-то с самого начала был уверен, что не пробовали. Более того, бьюсь об заклад, что лично вы свое сокровище вообще никогда не раздвигали. Но при этом присвоили себе эксклюзивное право раздвигать ее другим. И, что самое омерзительное, вы еще смее после этого давать честным людям советы, как это непотребство исполнить наиболее практичным способом...

– Знаете что, батенька!

– Знаю! Что от меня требуется?

– Снимите. Нагнитесь. Раздвиньте.

– Снял. Нагнулся. Раздвинул.

– Ну, сука, держись! – мстительно пробормотал проктолог.

Впрочем, последней фразы пациент не расслышал.

– В связи с этим у меня еще один вопрос...

– Слушаю!

– Видите ли, уважаемый... – голос пациента звучал несколько напряженно из-за крайне неудобной позы. Врач по-хозяйски шуровал в коллекторе посетителя настолько рьяно и бесцеремонно, что несчастная жертва никак не могла найти устойчивое положение: при всех стараниях пациента закрепиться более-менее прочно, все его массивное тело непрерывно раскачивалось, словно полупустой бетоновоз на мартовской гололедице. – Я, собственно, чего хотел добавить... Ай... Ого! Видите ли...

– Вижу! – проктолог-сдюга мстительно вонзил по самое запястье, отчего пациент ойкнул и слетел на крутом вираже с трассы, повалив ограничительные столбики. В смысле – рухнул на колени.

– Док!!! Что ты там ищешь, мать твою???

– Истину, мой друг, истину.

– И что? Истина где-то там?

– Известное дело! Ладно, обувайтесь.

Врач, вполне удовлетворенный, вальяжным жестом сдерживает перчатки, и, с довольной улыбкой, швыряет их в урну:

– Ну, батенька, о чем вы хотели спросить? Хотели, но так долго стеснялись?

– Стеснялся??? Изумительно... Откуда, по-вашему, я мог догадаться, что мне предварительно следует спустить подштанники?

– Здрасьте! Вы к кому пришли?

– На двери написано «Проктолог».

– А вы, типа, не знаете, какие запчасти проверяют у проктолога?

– А вы, типа, предполагаете, что обычный человек владеет вашей изуверской терминологией? Откуда я, неискушенный обыватель, должен знать, что означает сей кошмарный термин?

– Ха-ха-ха! Вы что, ненормальный?

– Стоп! Это мы уже обсуждали!

Врач, еще не так давно находившийся на пике триумфа, мгновенно сник. Только что он, отнюдь не глупый человек, понял, что «обломать» больного у него не получилось. Напротив – с какой-то невероятной тоской, он вдруг отчетливо осознал, что попал в цепкие лапы демагога. И что, скорее всего, здесь и сейчас начнут обламывать его самого. Иметь, как последнюю... Методично. Напористо. Творчески. С огоньком. Однако будучи человеком упертым, он, как правило, не сдавался сразу. Демонстративно поигрывая – на всякий случай – рыжей литровой клизмой, проктолог скабрёзно поинтересовался:

– У вас остались вопросы по поводу анального отверстия? Могу исследовать более детально!

Пациент несколько побледнел, но довольно скоро взял себя в руки:

– Не суть важно... Скажите, вам известно, что такое «расщепление горизонта»?

– Господи... Это что за хрень? – обескуражено спросил растерявшийся врач.

– А я поясню. Мне не трудно. Это общепринятый на территории Российской Федерации русскоязычный аналог термина «split horizon».

– Как???

– Ах, вам даже и это не вполне ясно. Странно, весьма странно... Не находите? Впрочем, поясню подробнее. Split Horizon – это специальный прием, который довольно часто используется в протоколах канальной маршрутизации. Смысл его в том, что маршрутизатор не отправляет информацию о маршруте на тот интерфейс, с которого получил эту информацию.

– Да? Не может быть!

– Именно! Более того: основная, и самая приятная «фишка» состоит в том, что расщепление горизонта позволяет предотвратить появление петель в маршрутах.

– Ага. Теперь понятно! – с энтузиазмом подхватил проктолог. – Так бы сразу и сказали. Мол, «горизонт». Я бы сразу догадался. Ребенку ведь ясно: когда этот ваш маршрутичик расщепляет горизонт, он моментально, стервец, наматывает петли. На интерфакс. А то заладили: «сплит» да

«сплит»... – Врач возбужденно ухватил пациента за рукав и принялся рьяно доказывать: – Вы знаете, батенька, я вообще – патриот. И категорически не приемлю всего иностранного. Да меня... – проктолог доверительно приблизил влажные губы к уху обалдевшего пациента, – просто бесит все это рабское преклонение перед иностранными словами.

– А как же латынь? – посетитель на всякий случай отодвинулся подальше. Вероятно, в связи с тем, что из орального отверстия доктора дурно пахло. Практически так же, как из анального. Того самого, относительно которого в разные стороны...

– Что-вы-что-вы-что-вы! – зачастил врач. – Доверительно замечу: была бы моя воля, я обходился бы исключительно нашими, родными терминами. Ну их, этих латинян!

– Не придуривайтесь, Док. И не уводите разговор в сторону. Извольте дослушать. Иначе так и помрете невеждой. Учтите: даже расщепление горизонта не решает всех проблем маршрутизации. И зарубите себе на носу: в неполносвязной многоточечной сети Frame Relay расщепление может вызвать определенные проблемы.

– Какие? – упавшим голосом осведомился расстроенный доктор. Энтузиазма на его молодом розовошем лице – как не бывало. Более того, стало очевидно, что Док, ранимая душа, имел обыкновение принимать все неудачи и назревающие проблемы слишком уж близко к сердцу. Предвидя длительные и ожесточенные споры, связанные с трудностями

администрирования неполносвязных сетей, эскулап заметно упал духом. Не удивительно: очевидного решения проблемы расщепления горизонта он не видел, а на длительное изучение вопроса... Взгляд потух, лицо приобрело пасмурную тональность.

– «Каки-и-ие»! – передразнил пациент. – Это тебе, брат, не клизмы ставить! Это, брат, – наука! Понимаешь, Док, на противоположной стороне любого интерфейса «слушать» информацию может не один, а несколько маршрутизаторов. Поэтому подавлять распространение информации о маршруте не следует.

– Да, затаивание информации... вообще пагубное дело...

– Что???

– Я говорю, что скрывать информацию – если конечно, это не врачебная тайна – вообще моветон.

– Док, ты охренел? Да при чем здесь врачебная тайна???

Возбужденный пациент принялся негодуя расхаживать по кабинету. Развивая тему дискуссии, он последовательно остановился на всех аспектах использования расщепленного горизонта в каналобразующем оборудовании. В голосе прорезались менторские нотки, чувствовалась неподдельная увлеченность предметом обсуждения. Следует признать, что лектор обладал изрядными дидактическими талантами: все, что он доходчиво разъяснял на простых и жизненных аналогиях, становилось понятным буквально сразу – даже непосвященному слушателю. Умело вовлекая в дис-

куссию хозяина кабинета, подавленного харизмой лектора и с безвольной улыбкой тупо, согласно кивающего наподобие китайского болванчика, он методично склонял его к своей точке зрения. Склонив же – интеллектуально изнасиловал, оставив эскулапа с несмываемым клеймом ретрограда. Впрочем, через какое-то время, внезапно прервал себя на полуслове и с жалостью посмотрел на проктолога:

– Ты хоть уяснил чего, чучело?

– Кто вы? – вяло пролепетал убитый горем врач.

– Я? Как это кто? Полковник!

– Полковник... чего?

– Как то есть чего? Того, чего надо, того и – полковник!

Еще вопросы есть?

– Что мы с вами... сейчас... обсуждали? – голосом умирающего осведомился несчастный ретроград.

– Принципы настройки вычислительных сетей и каналов передачи данных.

В кабинете повисло тягостное молчание. Хитрый, с прищуром взгляд полковника с явным удовольствием изучал редкостное в отечественных широтах явление, а именно: вставшие в раскоряку мозги дипломированного врача. Следует отметить, что данное аномальное явление было настолько очевидным, что наблюдалось невооруженным глазом: любознательному полковнику не пришлось применять каких-либо специальных измерительных приборов типа дальномера, перископа, спидометра и всяких прочих магниторе-

зонансных томографов. Мозги скрипели, дергались в конвульсиях, редкие зоны повышенной электрической активности безвольно тонули в блаженстве резонансных волн криотринитропентодной рефраксно-референсной структуры. Ну и поделом...

– Каналов... данных?.. Полковник... а... где же тогда... Ваш полк?

– Ты что, Склифосовский, охренел? Может тебе еще код запуска баллистической ракеты назвать?

– Да я просто...

– Ма-а-алчать!!! Это что, военный санаторий, или дурдом??? Откуда вас, таких чучелок, понабрали?

Разъяренный полковник, заложив руки за спину, принялся нервно расхаживать по кабинету. Однако внимательный наблюдатель несомненно заметил бы, что в точках разворота стремительной траектории – на врача искоса поглядывал пронизательный взор хитроватого исследователя, а не лихого рубаки.

– Если вы... полковник... то при чем здесь эти... как его? Маршрутизеры? Маршрутеры? Марш...

– Маршрутизаторы. По-твоему, Док, все полковники должны бегать с пистолетами во главе ватаги солдат? Мы, военные инженеры, ведь не считаем, что все врачи носят в карманах клизмы? Мы-то понимаем, что кое у кого есть скальпели и даже пассатижи.

– Да-да, конечно... Но и вы поймите: приходит ко мне ка-

кой-то специальный замаскированный полковник в пижаме, а у него вместо пехотного полка одни маршрутки – что я должен был подумать?

– Думать? Твое дело, Гиппократ, не думать, а смотреть. Сам знаешь куда. Впрочем... Думать ты тоже пытался. Даже что-то там вякал, спорить пытался.

– Ну и... как я вам? – заискивающе спросил эскулап.

– Хреново. В информационных технологиях, ты, Док, полный пень. И консерватор. Я б тебя даже секретаршей на свою кафедру не взял. – Полковник плотоядно – на всякий случай – оценил упругие ягодички доктора, плотно и вполне сексуально обтянутые голубым медицинским халатиком.

Полковник устало присел на краешек стула и, уперев ладони в широко расставленные колени, с интересом посмотрел на раздавленного обстоятельствами врача. Покачал головой. Проктолог поежился, почуяв на себе изучающий взгляд опытного и тертого человека, и вся его бывшая спесь окончательно, без остатка, стекла куда-то в пол, растворившись позорной лужицей в потертом коврике возле стола. Убедившись в окончательности произошедшей метаморфозы, посетитель сбросил шутовскую маску и, вполне серьезно нахмурив брови, продолжил:

– Знаешь, Док, за что я вас, сволочей, не перевариваю? За то, что работать вы не хотите, толку от вас – чуть. Если только «больничный» спросить. Специалистов среди вас – полпроцента. Хорошие диагносты – вообще реликт. Но спе-

си и гонору – выше макушки у каждого второго. Будь по-моему, так ежели не нравится работать – уходи. Не хочешь развиваться, учиться, приобретать опыт – сдристни в туман. Ведь ты отвечаешь за самое ценное на свете – за человеческие жизни.

Полковник тяжело вздохнул, и, помассировав шею, продолжил:

– Ты хоть понял, к чему я затеял этот цирк?

Врач молча, сиротливо покачал головой.

– Потому что самая паскудная ваша, медиков, особенность состоит в том, что вы отчего-то решили, что пациент не только должен знать, чем он болен, когда и в какие сроки ему делали прививки, но и полностью владеть вашей инквизиторской терминологией. Сначала вы придумываете для препарата обнадеживающее название «Бронхипрет»¹, – при этом непонятно, кого он прет и прет ли вообще... Или того чудесатее – неприличное для интеллигентного человека ругательство «Апизотрон»², а затем находчиво спрашиваете: «Та-а-ак, что я вам прописал прошлый раз?» Я военный инженер! И мне плевать на ваши пероральные, оральные или анальные! Я этого не знаю, и знать не желаю. У меня и по моей специальности проблем – по самые гланды. И я не наме-

---

¹ Бронхипрет – средство для лечения острых и хронических воспалительных заболеваний дыхательных путей, сопровождающихся кашлем и образованием мокроты (трахеит, трахеобронхит, бронхит) (прим. автора).

² Апизотрон – мазь на основе пчелиного яда (прим. автора).

рен зубрить еще и ваши садистские термины и теории. Этому учили тебя. Вот и изволь соответствовать. А не хватает мозгов – загляни в карточку и прочти, чудило, что там предыдущий спец накарябал куриной лапой. Но не мучай пациента идиотскими вопросами. Я хочу сказать – пусть каждый занимается своим делом. Ну что, Айболит, согласен?

Проктолог слабо кивнул.

– Апиздотрон... – крикнул полковник и, ядовито ухмыльнувшись, пожал плечами. – О чем, стервецы, думают?

Задумчиво пожевал губами, видимо, пробуя на вкус незнакомое слово, и через минуту продолжил:

– И напоследок хочу задать тебе один вопрос. Вот скажи, когда ты, в самом начале беседы, не смог квалифицированно ответить мне относительно расщепления горизонта, я над тобой смеялся?

– Нет... – хрипло ответил эскулап.

– Так отчего же ты смеялся надо мной? Зачем унизил меня? Унизил и фактически надругался над моим человеческим достоинством, когда я не знал, что означает надпись «Проктолог» на твоём кабинете? И еще, ежели ты разумный человек, скажи – правда лично к тебе это не относится – почему врач скорой помощи корчит недовольную рожу, если его спрашивают, какой препарат он вкатил умирающему от боли пациенту? И почему – в таком случае, если это такая уж военная тайна – врач следующей «скорой», приехавшей через два часа после первой, с пристрастием пытается несчаст-

ного, что ему впендюрил предыдущий инквизитор??? А забавный вопрос о количестве полных лет? Почему, кстати, «полных»? Лично тебе, например, какая разница: сорок девять мне или сорок восемь?

В кабинете надолго повисло усталое молчание. Но, против ожидания, это молчание не казалось тягостным для участников необычного действия. Чувствовалось, что где-то там, в глубине души, идет некая работа; что собеседники о чем-то размышляют, делают выводы. Инженер устало подпер тяжелый подборок кулаком; врач, нахмурившись, задумчиво тербил шариковую ручку. Встал из-за стола, неторопливо подошел к окну; заложил руки за спину, уставившись на набухшие почки ольхи, там, во дворе.

Некоторое время спустя, врач прервал молчание: неловко кашлянул и, не оборачиваясь, хрипло спросил:

– Так что вы хотели? С чем пришли?

– Подпишите мне справку. Или как там у вас это называется? Нужны подписи в первичном обследовании в ознаменование моего торжественного прибытия на черноморский курорт... – устало произнес полковник. От его запальчивости не осталось и следа.

– Что же вы... ворвались в кабинет таким... возбужденным? Что стряслось?

– Понимаешь, Док, достали... Невропатолог – навязывал мне аппликатор Кузнецова. По сходной цене. Хирург наг-

ло спросил, били ли меня по голове, а затем стал настойчиво предлагать какую-то мазь. По специальной скидке. Отоларинголог долго возмущался, что я, оказывается, страдаю тугоухостью. Его возмутило, что я заранее об этом не предупредил. Он, бедолага, долго, упорно и мучительно снимал мою АЧХ³, затем обнаружил у правого уха провал в области одного килогерца, и спустил на меня всех собак.

– За что?

– Я, оказывается, должен был сам знать, что у меня провал. В области одного килогерца. Отчего-то ему кажется, что у всех дома стоят собственные измерители АЧХ. Наряду с телевизорами и микроволновками. Измерители АЧХ – вообще довольно распространенный в быту прибор, не находите, доктор?

– Не берите в голову. Он сам его неделю назад получил. До сих пор тащится. Вот и пыжится от гордости.

– Затем эта странная женщина... Глазник... Глазист? Глазовщик? Глазовик?

– Окулист...

– Да, окулист. Замучилась, трудяга, подбирать мне линзу в левый глаз. Стонала-вздыхала, вздыхала-стонала – прямо не клиника, а шахтерский забой, мартеновская печь, выгрузка новороссийского, сука, десанта^[1]. Минут семь или бо-

---

³ АЧХ – амплитудно-частотная характеристика. В электронике и теории управления: график зависимости амплитуды сигнала от частоты этого сигнала (*прим. автора*).

лее того, у нее ничего не выходило. Не вижу и все! Размыто при любых диоптриях... Потом додумалась в карточку заглянуть, в предыдущие каракули. Кстати, Док, вас специально учат писать задницей? Короче, сунулась в обследование за прошлый мой приезд. Сощурила свои пороссячи глазки, да как взялась визжать: «Ах, больной, ах больной! У вас тут оказывается не просто геморрой, а миопический астигматизм, чего вы мне тут голову морочите? Вы что, не в курсе, что у вас семнадцать градусов? С вашим открытым переломом вообще без толку очки подбирать. Тебе, бестолочи, при такой скарлатине просто вешают на левый глаз для симметрии то же, что и на правый! Ну и чего молчим?»

– Конечно, Марь Ванна женщина эмоциональная...

– Знаешь, Док, мне плевать, какая она там женщина. Я не к женщине пришел, а к специалисту. И вообще, кто ее просил линзу подбирать? Мне просто ее закорючка нужна. Глянула бы на глазное дно – и все дела.

– Ну, батенька, тут вы не правы. Ей, специалисту, виднее, чего смотреть, а чего нет.

– Прекрати, Док, называть меня «батенькой». Ты молодой еще парень, и тебе это совсем не идет. Глуповато звучит. Мой тебе совет, ищи другой образ. Или имидж, как сейчас говорят. А еще лучше, быстрее становись специалистом. Уважать тебя начнут за квалификацию, а не за словечки эти убогие... О чем это я? Короче, визжала-визжала, потом заявляет: «Странно, почему тот идиит, который у вас в глазу

эту сколопендру обнаружил, никак вас не предупредивши?»
А она и есть тот самый идиот со сколопендрой. Ибо сама и смотрела меня в прошлом году. Что самое забавное, опять на те же грабли наступила: справку подписала, но какие линзы намеряла – так и не сообщила.

– Мда... дела...

– Так что с подписью, уважаемый?

– Конечно... подпишу. Простите, я все же обязан задать вопрос...

– Валяй!

– Как вы спите ночью?

– Нормально.

– Я имею в виду, сколько раз встаете к унитазу?

– Один раз в четыре часа утра.

– О! Но ведь это... не есть гут!

– В смысле? – полковник слегка растерялся, и на секунду превратился в пациента. Мальчишка не замедлил этим воспользоваться, и мгновенно натянул маску эскулапа.

– Да это просто трагедия. Вас надо срочно лечить!

– Что??? – размякший пациент побледнел. Вряд ли это безвольное лицо могло когда-либо принадлежать командиру одной из самых мощных служб армии.

– Если срочно не взяться за ваш простатит, то вы плохо кончите.

– Я и так плохо кончаю, что дальше?

– Как? Вы еще и плохо кончаете? Ну-у-у тогда вообще!

– Доктор, угроза жизни есть?

– Нет...

– До свидания!

– Погодите! Вы что не понимаете, что здоровый мужчина, выпив литр воды перед сном, нормально спит до 6 утра?

– Доктор, я могу выпить два литра воды и спать до восьми. Но комфортнее я себя чувствую, если все же отолюю в четыре. И не вижу здесь трагедии. – Волевым усилием пациент попытался взять себя в руки, вынырнуть из болота трагической безысходности и трясины инфернального ужаса. На секунду, где-то там, под поверхностью болотной жижи даже промелькнул волевой подбородок полковника, но... Не тут-то было. Схлопнулся. Пошел ко дну – только чавкнуло.

– Трагедия будет, когда вы станете ходить с баночкой в кармане!

– Как это?..

– Там будет... дренажная трубка из пузыря! Дренажная! Трубка! Из! Мочевого! Пузыря!

Освоившийся с ролью обличителя проктолог вошел во врачебный экстаз, садистки, со смаком, вколачивая в крышку гроба недавнего пациента – а ныне покойника – очередной гвоздь. Что ни термин, то гвоздь! Что ни термин, то гвоздь!! Что ни термин, то гвоздь!!! Чпок-чпок-чпок – входят в податливую сосну язвительные гвозди доктора: Дренажная! – чпок! Трубка! – чпок! Из! Мочевого! – дважды чпок! Пузыря! – чпок-хрясть-дзинь-чпок!

Глухой удар докторова молотка по утопленной в сосновой крышке головке финального гвоздя возвестил об окончании скорбного процесса. Вечная память!

Невероятно, но... Новопреставленный вновь – против ожидания – подал признаки жизни. Вялым, заискивающим голосом жалко спросил:

– Доктор... Неужели... ничего нельзя... сделать... Господи... – с задрогом мямлил он.

– Нет!!! Допрыгались!

Нечто аморфное, распластавшееся на стуле бывшего пациента, попыталось собраться в более-менее структурно оформленную субстанцию:

– Не может же... быть... все так плохо?

– Вы что, не понимаете? У вас стремительно прогрессирует простатит!

– Елки...

– Но! Специально для вас-с-с! По сходной цене! Могу предложить «Простамол Уно»! И, если вы купите прямо сейчас, то втора-а-ая пачка...

* * *

Во всех своих противоречиях, мировые религии сходятся в одном: душа не умирает. Более того, хитрозадые буддисты вообще считают, что существует стабильная, проверенная и апробированная тысячелетиями практика переселения

душ. Проктолог тоже где-то про это слышал. Но не особо верил. Однако, минутой спустя, юноша с удивлением обнаружил, что в размазанную по сидению протертого стула субстанцию мощно и неодолимо вселилось нечто энергичное. Согласно буддистской теории о переселении. Нечто энергичное находчиво и с нажимом произнесло:

– Послушай, Док! Если ты прав, то простатит у меня начался еще в нежном юношеском возрасте! Потому как в те доблестные времена, будучи курсантом на военных сборах в славных Вооруженных Силах Союза Советских, я каждое утро, еще до подъема роты, вставал ровно в четыре ноль-ноль отливать в гарнизонном туалете, который дислоцировался в полутора километрах северо-западнее моей палатки! И, тем не менее, никакой трагедии не испытывал! Обрати внимание, Док, в те блудливые годы я имел настолько шуструю, пронырливую дудку, и такую тугую, уписистую струю, что уверенно ставил свое факсимиле на многострадальной стене батальонного штаба! А надо заметить, что стена отделялась газоном шириной полтора метра! Какой, к едреням, простатит!? Где вы, гиппократы, видели простатитчика (простатера? простетика?), сгибающего к газону кусты рододендрона? Вам там, на лекциях, разве не говорили про индивидуальные особенности организма?

– О'кей, о'кей, о'кей! Нам там, там нам, там там – говорили. И даже очень. Ладно! Не хотите «Простамол», хорошо. Но! Для профилактики вам надо больше заниматься сексом.

– Чем?

– Сексом! Вот, к примеру. Сколько раз в неделю, вы, батенька, пользуете женщину?

– А сколько надо?

– Ха! Да никак не менее двенадцати-семнадцати раз!

– В неделю??? Доктор, вы маньяк?

– Ага! Значит, у вас и с потенцией проблема! Порекомендую вам сперму памирского сайгака по льготной цене! Специально для вас-с-с! И! Если вы купите прямо сейчас, то...

– То что?

– Видите ли, боль...

– Кто?

– Видите ли, э... товарищ... нерегулярная половая жизнь приводит к рецидивному защемлению восходящей мерцательной протоки мужских половы...

– А расщепление горизонта? Как насчет петель в маршрутах?

– На противоположной стороне интерфейса? – робко уточнил проктолог.

– Именно!

– Яволь! Понял! Абгемахт! Заметано!

– Умница! Кстати, Док, а кто тебе сказал, что если я не пользую женщину, то у меня проблемы?

– Послушайте, больной, а как иначе?

– Как ты меня сейчас назвал?

– Когда?

– Сейчас.

– Прямо сейчас?

– Да!

– Вот прямо сейчас? Не перед этим?

– Да!!! Вот прямо сейчас! Сорок секунд назад!

– Простите. Приношу извинения. Итак, поясните свою глубокую мысль.

– Да мало ли? Например, мужик может уставать на работе. Или вдрызг разругаться с любовницей. А еще у него могут быть принципы, согласно которым, он ни с кем, кроме жены...

– Ни с кем? Кроме жены?

– Ни с кем! Кроме жены! ...А жена заболела...

– Заболела?

– Заболела!

– Прямо-таки заболела?

– Прямо-таки! Заболела! И вот...

– И вот прямо-таки заболела! Позвольте спросить, чем же таким интересным она у нас заболела? А, товарищ?

– Не хами, Док! Это не то, что ты подумал! У нее часто болит голова!

– Ага! Как только вы соберетесь взойти на брачное ложе, то у супруги сразу болит голова!

– Да! Болит! Голова! Как только!

– Забил снаряд я в пушку туго...

– И думал: угощу я друга...

– И ядрам пролетать мешала гора кровавых... Я вас умоляю! Клиника! Да я с вас просто смеюсь! Вы что, мальчик? Наивный юноша? Вы что, не знаете, когда у супруг болят головы? Купите!

– Что?

– Купите «Солпадеин»! Тройной удар по боли!

– А если расщепление горизонта? В плане петель в маршрутах?

– На противоположной стороне интерфейса?

– Именно! Впрочем, какого черта! С какой стати я должен перед вами исповедоваться? Мало ли, какие у меня... Не твое дело, Док!

– А вот и хрен-то! Мое! В моей юриспруденции!

– Юрисдикции...

– Юрисдикции!

– Точнее – компетенции...

– Я и говорю – в моей компетенции! Тем более – при импотенции.

– Импотенция – ваша компетенция???

– Да, импотенция – моя компетенция!

– Моя импотенция – ваша компетенция?

– Да моя импотенция – ваша компетенция!

– Ваша импотенция – моя компетенция? Док, вы уверены?

– Что? Тьфу! Наоборот! Итак, вы женаты?

– Да!

– Супруга половозрелая?

– Да!

– Способна?

– Еще как!

– Ну и?

– Что «и»?

– То есть у вас, дома, есть настоящая живая женщина, которую вы... можете несколько раз за ночь, совершенно бесплатно... В любое время, без разрешения...

* * *

Психика современного человека устроена довольно причудливым образом. Некоторые скрытые от глаз неспециалиста особенности ей даровала Сама Госпожа Природа, находчиво – дабы не изобретать велосипед – передав их от косматых предков, терпеливо терзавших тупыми рубилами неподатливый хобот мамонта. Но кое-что и, порою весьма неожиданное, мы привносим в свою многострадальную голову сами, безбожно придумывая бессмысленные условности современного мира, причудливо нагромождая одно на другое. Кто сказал, что начальник – грозен? Став специалистом, возмужав, набравшись авторитета, разве не обнаруживаем мы в один прекрасный день, что утопающий в кожаном кресле монстр, метающий гром и молнии, на самом деле – беззащитный, сморщенный старикашка? Несчастный мараз-

матик, некогда на пике власти распявший на своем письменном столе не один десяток прелестных сотрудниц, давно уже стыдливо прячет во внутреннем кармане пиджака пробирку с дренажной трубочкой. Глаза раскрываются, наваждение рассеивается, и что? Где этот некогда грозный Зевс-Громовержец? Не это ли облысевшее создание с отвислой задницей в кресле шефа? И чем еще, кроме экзерсисов психики можно объяснить наше странное нежелание разглядеть трясушийся полутрупик в кресле хотя бы лет на пять раньше? Отчего так долго? Кто застил нам, разумным людям, глаза? Ведь король-то голый! Голый! И голый – уже давно!

Или, к примеру, еще один парадокс. Кто сказал, что шапочка стюардессы – сексуальна? Сними шапочку, сбрось пиджак с крылышками, и перед нами – обыкновенная баба! Но почему-то миллионы мужчин плотоядно провожают взглядом любую особу, если ее прелестная головка увенчана шапочкой стюардессы. Ведь прелестных головок много! И возможны варианты – кто-то нравится, кто-то – не очень. Но шапочка стюардессы в сексуальном смысле – инвариантна. Это беспроегрешный способ нажать на мужчине нужные кнопки. Любой джентльмен средней агрессивности автоматически проводит взглядом чертовку, если только у нее – элегантная шапочка стюардессы. Отсюда вывод: вопреки логике и здравому смыслу, шапочка стюардессы все-таки фантастически сексуальна. Сексуальность из нее просто сочится, бьет фонтаном. Так считается именно потому, что миллио-

ны мужчин автоматически провожают взглядом любую даму в шапочке стюардессы. Провожают – значит, сексуальна. Сексуальна – значит, провожают. Следует добавить, что не менее сексуальны белые фартучки парадной школьной формы 50-х годов прошлого века, пионерские галстуки, халаты медсестер и русские сарафаны с коромыслом.

Но! Почему тот же пресловутый халат медсестры, одетый на мужчину в строгом галстуке, вызывает вместо сексуального наслаждения благоговейный трепет и легкую панику у пациентов – задача для психологов. То, что даже сопливый мальчишка-интерн автоматически внушает непререкаемый авторитет и веру в завтрашний день, едва напялив белый халат, – вопрос даже не дискуссионный. Почему мы, обыватели, не видим за белым халатом человека – непонятно. Почему нам, обычным людям, требуется волевое усилие, дабы разглядеть там, под белой шапочкой, – недоумка или неуча вместо специалиста – объяснению, к сожалению, не поддается.

Точно так же не поддается объяснению тот факт, что бравый полковник не сразу разглядел в халате проктолога обыкновенного мальчишку. Прыщавого. С буйствующей юношеской гиперсексуальностью. Умудренный врачебным опытом специалист при ближайшем рассмотрении оказался вчерашним выпускником мединститута в том самом любознательном возрасте, в котором возбуждает все, что шевелится. У прозревшего командира возник только один вопрос: «Что

мне этот Специалист может посоветовать?» В отупелой от ошеломления голове крутилась лишь одна фраза: «Дома есть настоящая живая женщина, которую можно совершенно бесплатно».

– Простите, недопонял?

– Послушайте, батенька... При наличии здоровой супруги не иметь регулярного сек...

– «Батенька»? Вы опять сказали «батенька»? Малыш, где ты набрался этой пошлости?

– Да, я помню, вы советовали... Имидж... И все такое... Однако же... Ближе к делу!

– Ближе! Попробую объяснить.

Полковник неторопливо, со вкусом, кладет ногу на ногу, устало прикрывает глаза и по-отечески тепло спрашивает:

– Скажи, Док, какие игрушки тебе нравились в детстве?

– В смысле?

– Ну самые любимые игры? Оружие? Мяч? Марки? Солдатики? Спички?

– Э-э-э... Это... Паровозики. У меня была солидная коллекция 9-ти миллиметровых железных дорог. Немецкого производства. Рельсы. Вагоны. Локомотивы. Мосты. Тоннели.

– И вы в это играли?

– Да... Я их это... Стыковал рельсы, всякие там стрелки, семафоры. Пульт управления с батарейками... Сделал огромный фанерный стенд... Холмы из пенопласта, дере-

вья... Специальная травка, станционные домики из наборов, перроны, скамейки...

– Об-б-балдеть! Просто об-б-балдеть! Это же невероятно изысканная игрушка! Я сам когда-то мечтал о такой. Но в мои годы это был страшный дефицит... Их привозили из ГДР... Док, вы ее выкинули?

– Кого?

– Коллекцию электрических железных дорог?

– Да нет, что вы! Ее с таким трудом пришлось собирать... Она уже выходила из моды, многие элементы постепенно исчезали из продажи. Но мне – нравилось. И я собирал. Упорно собирал... Рука не поднимается выкинуть...

– Ага... Не выкинули... Док, а вы часто в нее играете?

– Чего? Да я это... некоторым образом вырос... из этого возраста... Я что, ребенок?

– Странно... Очень странно...

– Да что тут странного-то? У каждого возраста свои интересы!

– Пра-а-авда? А я тут сижу, дивлюсь... Как же так... У вас дома такая ценная вещь. Модель симпатичной железной дороги. Нет, доктор, вы определенно больны! У вас дома есть настоящие маленькие паровозики, в которые можно несколько раз за ночь совершенно бесплатно играть! В любое время, без разрешения. А вы этого не делаете...

– Да вы что, больной? Я же...

– Нет, не больной, и мы это уже обсуждали!

– Хорошо! Согласен! Но! Я же сказал уже: у каждого возраста свои интересы! И это – нормально!

– Вот именно, юноша. Вы сами ответили на свой вопрос. У каждого возраста свои интересы. И это нормально. Вы перестали играть в паровозики, а у меня пропал интерес – простите – к влагалищу. Я, конечно, могу в него... влагать, но как-то не чаще одного раза в два месяца, и то, если она, моя благоверная, меня сильно удивит. Когда ты, малыш, наконец повзрослеешь, то со временем поймешь, что на свете есть много других интересных занятий, кроме как... влагать обезумевший член в любую подходящую по размеру дырку. Футбол. Рыбалка. Пиво. Телевизор. Автомобили. Друзья. Внуки. Туризм. Книги. Интересная работа. И даже... расширение горизонта. Ты меня понял, Док?

Врач долго молчал. А потом поправил шапочку и вдруг раскатисто захохотал:

– Я, кажется, понял. Обойдемся, батя, без простамол. Давайте вашу справку.

Юрий Лопотецкий

Профессионал

Мой дом – моя крепость (Английская поговорка)

Черт меня дернул нанять этого профессионала. И ведь что обидно? Отнюдь не газетное объявление свело меня с ним. «Опытный профессионал решит любые проблемы. Быстро». Напротив, подобные наивности давно не для меня. В наше бандитское время доверять можно только рекомендациям. Рекомендациям серьезных людей. А твердую руку и острый глаз к объявлению не приложишь. Да и вообще, настоящий специалист – штучный товар. Говорили, что он – профессор в своем деле. Работает чисто и виртуозно.

Вот и доверился.

Пока он в прихожей вытряхивал из дорожных сумок инструмент, вся семья сбежалась на него посмотреть.

– Слышь, мужик, звать-то тебя как?

– Вазген Багдасарович.

«Ничего себе, – думаю, – какой Багдасарович мне диван мастырить будет. Эге. Это тебе не “Войну и мир” написать. И не пенициллин изобрести. Даже Витус Иванович Беринг со своим проливом маху дал... На что жизнь потратил? Шел бы диваны изучать. Была бы людям конкретная польза. Диваны!

То-о-о-н-кая наука...»

– А товарищ твой?

– Узбек армянину не товарищ. Еще. Вы приглашали уважаемого мастера-профессионала в свой дом, вы называли уважаемого мастера «ты».

– Понял, извините. Так как звать вашего э...

– Узбека?

– Да. Вы что, националист?

– Бог видел – нет. Он, – Вазген Багдасарович отверткой показал на своего спутника, – типа, ученик. Ученик не имеет имя. Не заслужил. Потому просто узбек. Для вас.

Вопреки этой замысловатой дискриминации, взгляд, обращенный на учителя, казался по-собачьи преданным, полным любви и восхищения; однако более пронизательный наблюдатель заметил бы и нотки суеверного ужаса, и униженность забитого существа. Кустистые, несмотря на юный возраст ученика, брови, по-азиатски сросшиеся на переносице в нечто единое целое, удивительным образом отражали всю гамму чувств мальчишки, жадно ловившего каждое слово мастера. Радостно изогнутые при покровительственных интонациях в речи хозяина они тревожно ломались на судорожно нахмуренном лбу, являя почти животный страх при малейшем намеке на изгнание из элитного мастер-класса Вазгена Багдасаровича.

– И как же вы его зовете?

– Мы его зовем «Ты».

– Понятно; диван – в той комнате. Проходите.

– Еще. Кушать буду редиску-помидорку. Овощ. Мясу не предлагайте.

– Одна-а-а-ко...

– Зачем «однако»? Доктор мне мясу не разрешал.

– Простите, я не совсем «въехал». Какой доктор? Вы, кажется, пришли диван ремонтировать или что?

– Въехал-приехал-заехал! Вы что, думал такая работа тыфу-плюнуть делается? Еще. Бог видел...

Далее Вазген Багдасарович, преисполненный собственной значимостью, пустился в пространные рассуждения о невероятной сложности ремонтно-восстановительных работ при реставрации диванов. Об ответственности каждой технологической операции, выполняемой в этом, безусловно, уникальном производстве. А также о законах гостеприимства в отношении авторитетного профессионала, постигавшего потом и кровью вершины мастерства на склонах легендарной горы Арарат, как завещали ему деды и прадеды, по наследству от отца к сыну передававшие утраченные ныне секреты.

– Хорошо, я понял. Организуем. Кстати, диван в той комнате.

– Еще. С эта комната, которому я работаю, унести другую лишнюю мебель.

– Изумительно. А для ученика сбегать за лагманом? Если я кумыс не достану, обычное молоко устроит?

– Это ... типа шютка? Еще ученик до узбека не отрос. Э, так, сайгак молодой пока. Его хотелки-желалки никто даже не смотрит.

Тут наш сайгак, услышав из уст Багдасарыча магическое слово «ученик», несколько приободрился – слово предполагало стабильность, благополучие и протекцию мастера в обозримом будущем.

– Проходите в комнату. Обсудим цену.

– Э, что цену? Тьфу-плюнуть. Бог видел, когда отцы и деды...

Далее последовала вторая часть саги об исходе Вазгена Багдасаровича с легендарных предгорий седого Арарата, дабы поведать нам, немытым российским лапотникам, о великом и благородном искусстве творения диванов. И, понимая всю серость хамоватого Саратова, совершенно недостойно расположившегося по божьему недосмотру на берегах, несомненно, великой реки, он прощает мое неуважение к законам гостеприимства и постарается сделать вид, что не заметил «гастрита», как он выразился, в моих речах.

– Простите, Вазген Багдасарович, я все понял. Диван, если не возражаете, – в той комнате.

* * *

Пока Вазген Багдасарович в промасленной спецовке вольготно расположился на новеньком диване, который неделю

назад обошелся мне в тридцать тысяч, я молча таскал мебель, дабы освободить место для ремонта другого, старого дивана.

«Нет, конечно, мужик с претензиями, в чем-то даже немного нагловат, амбициозен, — думал я, выволакивая из зала швейную машину, — но с другой стороны, если человек — Мастер с большой буквы, он, несомненно, имеет некоторое право диктовать условия». За швейной машиной последовала тумбочка от телевизора, да и сам телевизор. «Мастерство вообще начинается с уважения к самому себе», — продолжал размышлять я, скатывая палас, который Вазгену Багдасаровичу тоже чем-то не угодил.

Возможно, таким мастерам даже позволительна некоторая эксцентричность в поведении. Например, то, что он без разрешения закурил в комнате. Надо заметить, что никто в моей семье не курит, да и не курил никогда. Тем более в квартире. «Даже друзья, — рассуждал я, выталкивая в коридор постельную тумбу, — зная мою нетерпимость к табачному дыму, выходят курить на лестничную площадку». Хотя... Такие мастера-профессионалы себе цену знают. Мне ли на него обижаться?

Я открыл дверь на балкон, чтобы слегка проветрить комнату от табачного дыма, деликатно улучив момент, пока Вазген Багдасарович самовольно воспользовался унитазом. «Несомненно, и капризы его понятны, — пришла мысль, — заработал на такой работе гастрит, вот и указывает, чем кор-

мать. Конечно, чтобы пройти в туалет, мог бы и разрешение спросить. Но, с другой стороны, может, приспичило?»

Из туалета Багдасарыч степенно проследовал в ванную комнату, тщательно вымыл руки и неторопливо, по-хозяйски, утерся моим полотенцем. Затем, с выражением аристократической брезгливости на лице, отправился бродить по квартире, заглядывая во все углы и изрекая особо ценные советы. Все это время ученик сидел на корточках возле компьютера, где дочка набивала текст очередного реферата. Лицо ученика светилось тихой улыбкой счастливого полудурка, узревшего полет небесной колесницы. Инструмент, который ему приказали протереть и разложить перед работой, был беспорядочно разбросан на полу, и, судя по всему, оказался окончательно забытым.

– Ну как, нравится? Машина у меня довольно мощная!

– У-у-у, шайтан! – восхищенно промычал ученик, тут же почесав у себя под левой подмышкой. Почему-то левой же рукой.

Эту трогательную идиллию разрушил Вазген Багдасарович, вернувшийся с балкона. Там они изволили созерцать наши окрестности, а также оказали мне честь в экспертной оценке качества сварных работ фирмы «Торекс», остеклившей балкон не так давно.

– Покажу «шайтан»! Кому говорил? Инструмент клал?

– Клал, мастер...

– Где клал? Как клал? Ты, животный!

– Клал, мастер, маму клянус...

– Ты! Инструмент – хлэб твой! Инструмент – жизнь твой!

– Клал, э-э-э...

– Бог видел, мама-папа забывай, халва-чурек не кушай, инструмент нюхай-смотри, – пиль сдувай! Понял, чурка?

– Понял, э-э-э...

– Ты! Давай!

Пока ученик судорожными движениями выкладывал инструмент ровными рядами по порядку от большого гаечно-го ключа к маленькому, Багдасарыч уютно расположился на новом диване, затем, немного поерзав, закурил вторую сигарету.

– Рэбенок еще, – вполголоса сказал он, и я впервые услышал в его голосе отеческую теплоту.

– Да, молодой узбек, совсем молодой.

– Что видел? Что слышал в своей пустыне? С баранами в кошаре ел-спал. Воды нормальный не брал. Пьют всякий дрянь, потом живот болеет. Э! Ему кишлак – половина братья-сестры рахит поймали.

– Да-а. Тяжело. Он что, никогда компьютера не видел?

Ученик, закусив от усердия губу, довольно шустро закончил фигурную раскладку инструмента, совершенно логично украсив стройные ряды крестовых и плоских отверток ножовкой по металлу. Завершая эту экибану, он с какой-то особенной гордостью возложил рядом с ножовкой ох-х-херительные хромированные пассатижи с ядовито-желтой изо-

ляцией на изогнутых ручках.

– Не скажите. Какой ему кампютер-мапютер? Когда лампичку в первый раз видел, думал шайтан хулиганил. – Багдасарыч, заметив некоторую дисгармонию в инструментальном натюрморте, неторопливо встал с дивана и, мстительно пнув криво лежащий рашпиль, отрывисто приказал ученику устранить беспорядок. – Дик-к-кий народ... Бог видел, какой дик-к-кий...

– Ну, так что там с диваном?

– Еще. Дверь из балкона закрывать будем.

– Как это?

– Узбек на спину простудится. На полу сидит, э?

Изумительно! Ученик, значит, спину застудит. А семья всякой дрянью дышать будет. Однако возражать поздно – Багдасарыч, крикнув, встал с дивана, пригладил рыжие волосы, и, степенно подойдя к балкону, тщательно законопатил дверь на оба шпингалета.

– Еще. Находите обеденный стол. Диван кантовать на стол будем, крутить-вертеть, нюхать-смотреть. Лично!

– Ладно, это все хорошо. А если бы у меня стола не было? – я вновь попытался проявить характер.

– Типа шютка? Из кухни стоял стол. Девочка! – обратился он к моей дочери. Идите с папой стол приносите.

– Сидеть! – скомандовал я дочери. – Пойдет ученик. Ты, дергай за мной на кухню! Стол потащим.

– Еще. Ученик брал с моих рук хлеб не чтобы носить стол.

Ученик учит инструмент, учит мой бесценный опыт. С каждому минута своего времени, ученик берет через новый знания, через новый тайна.

Я вновь прослушал увлекательную легенду о неувядаемом подвиге дедов и прадедов, гонимых кровожадными турками Зариф-паши. Гонимых, но донесших, пусть даже ценой своей крови, славные секреты мастерства до гостеприимных южных рубежей Российской империи. Невероятно, но неблагодарный русский царь узнал страшный секрет армянских диванов только благодаря варжапету⁴ Кикосу, варжапету Мартиросу и варжапету Бабкену. Эти святые предки Вазгена Багдасаровича, тоже взошли на свою Голгофу, но даже под пытками не открыли турецкому султану своей тайны, благодаря чему турки, козлы, так до сих пор и сидят на ковриках...

– Вазген Багдасарович, это все хорошо, но моей дочери я тяжести таскать не позволяю. Есть опасность, что ...

– Еще. Никто не имел права приказать моему ученику. Только учитель. Лично!

Пока я, раздраженный подобной бесцеремонностью, вместе с супругой перетаскивал стол из кухни в комнату, Вазген Багдасарович неугомонной Шахерезадой вновь разродился очередной сказкой о преемственности мастерства, пронесенного сквозь огненные годы. В частности о том, как его героический дедушка Аристакеc в смутном 1920 году, во вре-

---

⁴ Варжапет – учитель (арм.).

мя непродолжительных разборок между турецкими войсками и 11-й Красной Армией, закапывал на каменистых берегах легендарного озера Севан какие-то специальные хитрожопые гвоздики, дабы не достались они вероломным захватчикам. И кровожадный Сталин плакал по ночам в подушку на скрипучем кремлевском диване, ибо не мог отремонтировать жесткое ложе – не выдали севанского тайника ни папа Багдасар Аристакесович, ни дядя Вардгес Аристакесович. Даже под пытками злобных бериевских зубодеров.

* * *

О, чудо! Наконец-то свершилось! Вазген Багдасарович приступил к процедуре первичной диагностики дивана! Ассистировал ему ученик. Лично. Ну и я. На вторых ролях. Пока маэстро дирижировал карандашом и записной книжкой, мы с сайгаком лихо закинули диван на кухонный стол, затем по отмашке мастера так же резво перевернули ножками вверх.

– Так! Что мы имеем? Имеем обивку матерчатый. Ты!

– Э, учитель?

– Кто держал обивку этому дивана?

– Учитель! Обивку держал спесальный... скрепка!

– Не скрепка, а скобка, чурка!

– Скопка, учитель!

– Какой варьянт крепление обивку ты знаешь?

– Скопка, обойный гвоздик, спесальный нитка! Учитель!

Я стоял, тупо наблюдая за происходящим; мысли текли лениво и неторопливо, видимо не в силах постичь весь этот бред... Думать не хотелось; накатило сонливое безволие; казалось, меня занесло в какой-то театр абсурда, попавший в руки обезумевшего режиссера. Я уже не понимал, что тут делаю, и кто в доме хозяин. Вот уже полчаса по квартире разносились вопли учителя и ученика. Это напоминало до боли знакомую сцену из старого кинофильма про Петра I, учинившего экзамен по рангоуту выпускникам шкиперских школ Европы:

– Это?

– Грот-брам-стенга!

– Это?

– Грот – трюм-стенга!

– Это?

– Фор-брам-стенга!

– Это?

– Фор-бом-брам-стенга! – бойко выкрикивал сайгак.

Бред.

Бред.

Бред.

Чем увереннее отвечал ученик, тем азартнее терзал его ненасытный учитель. Пока я в полушоковом состоянии стоял перед ним навтыжку, Багдасарыч шуровал в потрохах вскрытого дивана, жутким демоническим голосом выкрики-

вая:

– Шило!

– Есть щилло, мастер!

– Ключ 17 на 19!

– Есть кулуч 17 на 19, мастер!

– Пяссатижжжьи!

– Есть пссатиж, мастер!

– Что дал, животный? Это сбокурезы!

– Э... – ученик беспомощно посмотрел на мастера, почесав под правой подмышкой. Почему-то правой рукой.

– Пяссатижжжьи – это с желтым ручкой!

– Есть пссатиж, мастер!

От их воплей не было спасения даже в спальне, – если не хватало инструмента, он гнал мальчишку просить инструмент у меня. Сайгак говорил по-русски несколько неуверенно, и, пока добегал до спальни, кое-что забывал. Я, к тому моменту уже порядком озлобленный, если даже и догадывался, что мастеру надо, мстительно делал вид, что понятия не имею, о чем просит ученик. «Вообще-то, странный он какой-то профессионал, – в некоторых сомнениях размышлял я, – что это за мастер, если у него нет ни молотка, ни рулетки? Даже шурупы, и те – мои выпросил. А как же хитрые гвоздики с легендарных берегов Севана?»

К этому моменту Багдасарыч окончательно вошел в педагогический экстаз. По мере дальнейшего раздракования дивана, он гонял сайгака и в хвост, и в гриву по: типам рас-

кладывающих диванных механизмов, видам крепежа, составам клея, породам дерева, режимам сушки... Он драл его за уши, если тот подавал не тот инструмент; отвечивал подзатыльники за «нечистое» произношение:

– Как это называл, сын осла?

– Пссатиж, мастер!

– Не «пссатиж», а «пяссатижжжьи», повтори!

– Пяссатиж... жь... жь...и, мастер!

– Русский учи, не поздно пока! Русский учи, Россия теперь Родина твой! Учи когда живешь-приехал! Работа-кров твой новый Родина дал! Хлеб-соль твой новый Родина дал! Русский – чисто говори, э! Повтори!

– Пяс... Пясатиж... жь...и-и, мастер! – почти захныкал мальчишка.

– Тьфу-плюнуть такой ученик! Лично! Бог видел...

Бред.

С другой стороны, когда же парню учиться, как не у клиента?

* * *

– Хозяин! Ко мне приходите!

– Что случилось? – вернувшись в прокуренную комнату, я желал только одного – банально дать Багдасарычу в морду.

– Обивку я удалял. Осмотр говорит: этот балка давал продольный трещину. Плохо.

– Ну и что? – я нехотя глянул в развороченные внутренности.

– Балка заменить будем. Через него весь диван держался.

– Ну, так меняйте, в чем же дело!!!

– Я спросил 150 рублей за работу? Теперь хочу 200. Лично! Пока балка делать, пока туда-сюда носить, вставлять-прибивать...

– Да и хрен бы с ним, двести – так двести. Из-за такой херни вы меня звали?

– Каком «херни», зачем выражались?

– Слушай сюда, мужик! Я тебя, твою мать, за ким хреном нанял? Диван делать или что?

– Диван... – губы мастера скривились от обиды.

– Ну, так делай, и не морочь голову! Вообще, сказочник хренов, не дергай меня! Не дергай, говорю, меня каждые три минуты из-за всякой ерунды. Доступно выражаюсь? Делай все тихо, – тут я перешел на зловещий шепот от еле сдерживаемого бешенства, – тихо, как мышка в норке. Чтобы тебя – ни слышно, ни видно! Чтобы ты со своим узбеком не шатался по всей квартире! У нас, родной, свои планы на сегодня были. У нас, родной, своих дел выше крыши. И мы не договаривались, чтобы мне полквартиры на уши ставили. Понял, ты, Макаренко недоделанный? И заруби себе на носу: я не нанимался тебе бегать за минеральной водой в магазин. И инструмент подавать – тоже не нанимался. А курить вообще – вон отсюда на лестничную клетку!

– Извините, зачем вы сердился?

– Чего-чего?

– Когда уважаемый мастер, ему таким тоном не говорят...

– Уважаемый мастер не клянит у хозяина сверла, шурупы, штангенциркуль и электроотвертку. Он работает тихо и быстро, не доставая хозяев своими анекдотами. Сигарету, мать твою, затуши!!!

Однако мужик попался на редкость настырный. Волевой. Сигарета в руках задрожала, но он взял себя в руки. Уверенно и твердо произнес:

– Вы меня работать если приглашал, надо делать нормальные условия. Когда если работаю, я думаю-размышляю, как лучше, а как хуже давать ремонт. За это, когда думаю, мне надо сильно курить-дымить.

– Какие еще условия? – Я прямо-таки задохнулся от возмущения. – Вы пришли в чужой дом! Здесь все условия ставит хозяин.

Багдасарыч с олимпийским спокойствием сделал еще одну затяжку, неторопливо прошел в сторону балкона, и принялся открывать шпингалет.

– Что вы делаете?

– Я иду курить из балкона. Еще. Я удивлялся, что вы так относитесь с гостями. Когда я гость, могу делать, как хочу.

– Вы не будете курить на балконе, потому что он застеклен, потому что весь дым будет в квартире, потому что порядочный человек вообще-то спрашивает у хозяев разреше-

ния закурить.

Багдасарыч невозмутимо вышел на балкон и принялся открывать фрамугу остекления.

– Если вы сердился, я даю открывать окно. Не надо так нервничаться. Еще. Первый раз с жизни я слушал, что надо делать разрешение. Лично!

– Затушите сигарету, вы что, не поняли?

– Ай, джян! Как тушить? Ара, как я работать буду? Э?

– Бля, да ты урод или кто? Мозгов что ли нет? Вон на лестницу!!!

Что-то в нем в этот момент сломалось. Он будто съежился, ссутулился, поник, губы затряслись. Мне, в общем-то, и самому было не по себе. Ведь он старше меня, фактически в отцы годился. Весь его вид являл собой какое-то внутреннее достоинство, глаза светились опытом и интеллектом. В каждом жесте сквозила... порода, что ли? Я привык уважать таких людей, особенно, когда они старше меня; я уступаю им в мелочах, причем уступаю хотя бы только из врожденного уважения младшего к старшему. Стыдно, невероятно стыдно повышать на него голос. Но он просто-напросто дожал, довел меня до кипения!

Что в нем поражало больше всего? Искренняя обида! Искренняя обида какого-то непонимания. В тот момент меня вывернуло от возмущения так, что я только фиксировал реакцию на мои слова, не придавая ей значения. Осознание пришло позже, на следующий день, когда, успокоившись,

я анализировал эти совершенно странные события. Мне и раньше везло на встречи с неординарными людьми. Но такую искреннюю обиду я увидел впервые. Этот человек, безусловно, далеко не стеснительный, и в самом деле верил, что имеет право вести себя именно так. И был шокирован, когда ему объяснили, что он неправ. Разумеется, все мои действия воспринимались как агрессия и неуважение к нему.

Дрожащими руками Вазген Багдасарович пригладил рыжие, но уже побежавшие первой сединой волосы, потер мозолистой ладонью висок, и, тяжело вздохнув, незаметно просочился на лестничную площадку. На ученика даже не взглянул, стыдливо отвернувшись, а только откуда-то уже из прихожей произнес слегка надтреснутым голосом:

– Бог видел... Как мальчишка... На лестнице...

* * *

Вернувшись, он без единого слова прошел к дивану, принялся с ожесточением вывинчивать механизм. Работал молча, поджав оскорбленно губы. Печать смертельной обиды сквозила во всем его облике, жестах. Инструмент брал сам; ученик сидел, забившись в угол испуганной обезьянкой, глаза мальчишки были полны вселенской тоски. В воздухе разлилась вязкая, гнетущая тишина, и только гаечные ключи предательски звякали, нарушая ее всепоглощающее гипнотическое господство.

Ну и, слава богу.

* * *

– Давайте спокойно узнаем...

Я вздрогнул от неожиданности, едва не выронив справочник. Передо мной стоял прежний Багдасарыч. Глаза светились дружелюбием и желанием искать компромиссы.

– Давайте спокойно узнаем, какой на меня неприятный претензия. Мне все давали уважение, за то, что я – мастер. Профессия – не халва-чурек. Я старший, чем вы. На уважаемый мастер нельзя сказать: «Не кури, не говори». Стыдно... – он покачал головой.

– Слушайте, уважаемый... Это уже какой-то беспредел... Да откуда вы такой чудной взялись-то? Что у вас в руках?

– Пяссатижжжи.

– Зачем они вам?

– Работу работать.

– Ну, так работайте! Диван – в той комнате!

– Вы меня приглашали помочь делать диван, за это...

– Помочь? «Помочь» – это что-то новенькое! Да не помочь, а сделать; не пригласил, а нанял! На-нял! Молча, тихо, незаметно делать, а не помогать. И не заниматься демагогией.

– Нельзя...

– Так! У меня к вам последняя и убедительная просьба.

Давайте закончим все дискуссии. И начнем работать. Пожалуйста.

– Еще. Балка треснулся. Сегодня иду, вечером делаю новый. Завтра 10 утра иду обратно вам ставить.

– В смысле? Вы что, еще и завтра к нам собираетесь?

– Завтра.

– Родной мой, вы хоть спросили, буду ли я дома? Почему вы за меня все решили?

– Э! Решили-разрешили. Когда если начал делать, надо делать совсем до конца.

Меня это поставило в тупик. Второго такого дня не вынести...

– Давайте так: спасибо, что вы пришли. На этом ваша работа окончена.

– Зачем? Дайте мне рулетку. Мерить балку с рулеткой будем.

– Елки-палки. У вас даже рулетки нет?

Когда они ворочали остатки многострадального дивана, выполняя метрологические изыскания, выступающий из боковины шуруп порвал мой новый линолеум.

– Так, все! До свидания.

– Зачем до свидания?

– Мужик, знаешь, как ты меня достал? Прямые убытки от тебя – дороже дивана. Легче купить новый диван, чем терпеть это. Ты прокурил всю квартиру. Ты загадил унитаз. Ты порвал линолеум. Твой узбек потаскал половину моего ин-

струмента. Кстати, ты, гордый сын пустыни, верни рулетку! Я не нуждаюсь в твоих услугах. А это что?

– Это? Это штучка. С кухни брали штучку складывать болтики-шурупки.

– Сдуреть! Эта штучка – специальная двухсекционная миска из пищевой пластмассы по цене 150 рублей! Для моего кота... Была... Кот из нее теперь жрать не будет. Уходите.

– А диван?

– Да плевать мне на диван. Я его сейчас с балкона по частям выкину. Работа окончена.

– Это противоречится чести профессионала.

– Ты не профессионал. Ты – детский сказочник. Иди купи себе рулетку.

– Я...

– Вот тебе 50 рублей за беспокойство и проваливай.

Поблуднев, он принялся складывать инструмент и, наконец-то, ушел.

* * *

– Может быть, не стоило с ним так? – спросила супруга.

– Знаешь, еще немного, и он бы улегся отдыхать в нашу постель. Я знаю такой сорт людей, поверь мне. Это – Кавказ. Там уважают только силу. Вежливость – признак слабости. Диалог – трусость.

И все же на душе скребли кошки. Было больно и гадко. Я

выгнал человека, который годился мне в отцы...

* * *

Вдруг в прихожей раздался звонок. Я открыл дверь. Там стоял он. Глаза его были полны чем-то... Не знаю, как описать эти глаза, натруженную руку, прижатую к сердцу... Станным образом посерело и осунулось лицо, лишь только челюсть по-прежнему упрямо напряжена, да дрожащие губы выдавали еле сдерживаемое напряжение и обиду. Так выглядят сильные люди с невероятным чувством долга, которым предстоит сделать что-то унижительное или неприятное. Они могут мужественно переступить через нанесенное оскорбление, понимая неразумность обидевшего их человека. Конечно, все это вспомнилось много позже, и осмысливалось постепенно, а тогда...

– Бог видел, не мог вас бросать. Не как человечески.

– А, давно не виделись, целых полчаса. Что, забыли «посатижи»?

– Не мог. Давал слово.

– Я денег дал?

– Дали.

– Какие вопросы?

– Я диван разбирал, назад не собирал.

– Ну и что?

– Как вы с ним будете ночеваться?

– «Ночеваться» я на нем не буду. Просто выкину с балкона.

– Давайте мне заканчивать.

– А уши от ишака тебе не надо?

Я попытался вытолкать его за дверь. Каково же было мое изумление, когда он, совершенно наглым образом, просунул в проем ногу! Давненько я не встречал такого на рынке услуг, где каждый, кто хотел заработать, готов вывернуться мехом внутрь, только бы угодить клиенту.

Воспользовавшись моей растерянностью, проклятый диванщик лихо протиснулся в прихожую.

– Давайте спокойно, не с нервами говорим...

– Нет!

– Нельзя так делать на людей...

– Можно, уважаемый! Вы, видимо, ситуацию неправильно оцениваете. Бог с вами, я попробую объяснить, но потом вы уйдете уже навсегда. Это в вашем глухом кишлаке...

– В деревне.

– Да, простите! Это в вашей высокогорной деревне умелый мебельщик, если, конечно, он вообще кому-нибудь нужен, – первый парень на селе. И даже считается местной элитой. Но здесь – миллионный город с полусотней оборонных предприятий, где работают тысячи, понимаете, – тысячи первоклассных специалистов на уникальном оборудовании. Здесь никто не будет обсуждать ваши экзотические условия и часами выслушивать дешевые сентенции.

– Я хотел обсуждать... Профессионал...

– Профессионал ценится за то, что быстро, слышите – быстро, и незаметно делает свое дело. Быстро и незаметно, понимаете? Быстро и незаметно! Высшее мастерство – срабатывать так, что клиент не будет ущемлен ни на минуту. И никогда, слышите, никогда уважающий себя мастер не станет клянчить у хозяев инструмент! Тем более – курить в чужом доме.

– Что вы говорил, типа, лакей, не мастер.

– Нет, именно – мастер. И не надо строить из себя профессора мебельной академии. Это всего лишь старый, обдолбанный диван из прессованных опилок ценою 900 рублей. Он не стоит даже того, чтобы у меня украли целую субботу!

– Вы меня очень сильно обидели... – Поникнув, Вазген Багдасарович печально пошел вниз по лестнице, даже не вспомнив про лифт. Следом, преданной собакой, поплелся убитый горем ученик.

– Арарат находится в Турции, слышите вы, детский сказочник, – зло бросил я вдогонку, – порядочные армяне видят его только в сильный бинокль! Да и то в хорошую погоду!

Он ничего не ответил, только вздрогнул старой раненой птицей, подстреленной на взлете, и, опустив голову, продолжил исход из моего не очень гостеприимного дома.

Господи, да в каком таком заповеднике он вырос? Из какого времени пришел? Где та земля, где хозяева так добры к пришедшему в дом мастеру, будто он – близкий родственник, брат старший, гость, оказавший честь посетить их скромное жилище?

Не стоило, конечно, упоминать Арарат, – сподличал поневоле. Удар ниже пояса, боль любого настоящего армянина, – каждый на Кавказе знает это, и никогда не говорит подобное вслух.

Да что было делать? Стыд пришел значительно позже, когда угас приступ бешенства, когда заклеил линолеум, расставил мебель, собрал окурки, разложил инструмент. Был ли я прав, что выгнал его? Знал ли он, что в России иные нравы? Его ли вина, что остался без работы там? Обязан ли я жить, как хотел он? Или жизнь обломает именно его? А может, мы сами неправильно живем? Может, и живем не очень, ибо нет в обществе уважения к профессии, опыту, знаниям, мужскому слову? В цене – деньги и связи. И когда, на каком выражении истории мы утратили вкус к простому, неторопливому, бескорыстному общению? Странно, прошло уже больше года, а я не могу забыть его.

И нет ответа на эти мои вопросы.

Наталья Егорова

Как тапают ману

В тот день выпал первый снег.

Впрочем, разве ж это снег – вот в Сибири, говорят, как навалит сантиметров тридцать за ночь – веселуха! А здесь шоркаешь по тротуару, а за тобой асфальтовые следы тянутся. Зато холод собачий, и это уже в конце октября. По институту сквозняки гуляют, на улице ветер свищет, а перчатки я еще в прошлом году посеял, да так новые и не купил. Жаба задушила.

К тому же еще и магнитная буря разгулялась, по радио передавали, а я человек магнитоуязвимый. Слово красивое, а самочувствие поганое: голова чумная, спать хочется – спасу нет, очки к носу примерзли. И главное, угораздило же меня именно сегодня договориться курсовую у Белкина взять, да еще и на улице встречаться. В такую-то холодину.

Ну, уж тут ничего не попишешь: или мерзни, или сам считай, по методичке – полсотни страниц безумных формул. Издательские пояснения типа: «Из этого (десяток диких уравнений) очевидно вытекает...» – есть же люди, которые разбираются в подобном кошмаре!

На углу Белкина не оказалось. Потоптавшись под светофором и окончательно размесив свежевыпавший снег в пя-

тачок мокрой грязи, я обнаружил поблизости замурзанную кафешку. Очень кстати: и окна выходят прямо на нужную мне часть улицы, и согреться можно. Да и кофе мне бы сейчас не повредил, можно даже на капучино раскошелиться по случаю магнитной бури.

Устроившись возле пыльной витрины и прихлебывая мутный напиток, температура которого составляла его основное достоинство, я терпеливо следил за улицей. Сумерки плавно опускались на город в мельтешении снежинок, редкие прохожие торопливо прокладывали черные дорожки следов на асфальте. От перекрестка донесся противный скрежет и звон бьющегося стекла. Ворона, деловито копавшаяся в мусорном баке, пригляделась и пешком отправилась разбираться.

Кофе кончился, а Белкина все не было.

Вот тут он ко мне и подошел – бомжеватый мужичонка в пятнистой куртке. В смысле, не пятнистой от рождения, а вылинявшей безумными заплатами. Он держал в руке картонный стаканчик, но похоже, для отвода глаз – стаканчик был пуст.

– Извините, молодой человек, – он поднял на меня больной взгляд побитой собаки. Вот только бомжа, выклянчивающего деньги на стакан водки, мне и не хватало для полного счастья! Я так хорошо подготовился к отпору, что даже не сразу понял, о чем он меня спрашивает:

– Вы не знаете, как надо тапать ману?

– Чего, – растерялся я. – Топать маму?

– Тапать ману, – торопливо уточнил человек. – Видите ли, я когда-то умел это делать, но забыл.

Вот чего мне не хватало больше, чем приставучих алкашей, – это очень серьезных сумасшедших!

– Я, понимаете, обязательно должен вспомнить, а то ведь все пошло кувырком, – доверительно сообщил он. – Жена ушла, работу потерял. И вообще все вокруг какое-то чужое...

Шиза. В чистом виде. Я опасливо принялся отступать к дверям. Мужичонка провожал меня жалостным взглядом, не пытаясь, впрочем, остановить. М-да, тапать ману.

Естественно, Белкин меня давно ждал, только не на этом, а на соседнем углу. Я даже не обиделся, услышав много про себя нового: он-то, бедняга, так и мерз под фонарем, пока я кофейком баловался. Зато Кочерга – наш злобный математик – мне теперь не страшен. Сейчас быстренько сосисок сварю, чайку сварганю, и за переписывание.

Подлый снежок растекся по улицам совершеннейшим катком. Оскользываясь на каждом шагу, я бежал к дому, нос под очками уже ничего не чувствовал, зато в голове звонко отдавалось в такт: «та-пать ма-ну, ма-мать та-пу, ма-пать нату...»

Вот именно, «мапать нату». Это как с песенками – включают в троллейбусе: «Я иду по лужам, мне никто не нужен» – идиотизм, и еще голосок такой проти-ивный. А ведь привяжется и крутится целый день, как заведенная.

Дома было тепло, и меня откровенно разморило. Я еще потрепыхался, мучительно выбирая между перспективой до-смотреть тупой боевик и необходимостью перекатать курсовую, а в результате плюнул на все сразу и завалился спать.

Я мчусь по огромному цеху. В полумраке смутно угадываются токарно-револьверные станки: на таком во время прошлогодней практики меня обломком сверла в лоб шибануло. Гулко бухают здоровенные прессы, змеюками извиваются ленты конвейеров, на стенах мелькают пламенные отсветы от печей. Я огибаю большущую плиту, привешенную к неподвижной стреле крана, увертываюсь от струи расплавленного металла и перепрыгиваю через тележку с железным ломом.

Главное, я всю дорогу знаю, что цех автоматический, и в нем всего три человека – я, мой друг Терминатор с лицом Эдди Мэрфи и Главный Вселенский Злодей. Злодея, ясный перец, надо победить, но это потом, а пока позарез необходимо выбраться на свободу. Ну, я и спасаюсь изо всех сил.

Терминатор наваливается на створку огромных ворот, но всей его терминаторской силы не хватает, чтобы их открыть. Да еще и пятачок перед воротами оказывается площадкой гигантского прессы, и невероятная тяжесть металлической громадины опускается на плечи новоявленного атланта.

Я застываю в растерянности. Терминатор из последних сил сдерживает натиск механического чудовища. Из-под по-

толка доносится сатанинский хохот Главного Злодея.

– Ману, ману тапай! – электронный голос прерывается от напряжения, глаз Терминатора вываливается и повисает на щеке красной лампочкой.

– Как? – в отчаянии кричу я.

Но тут Терминатор не выдерживает, и плита расплющивает его в металлический блин.

Вид за бортом изумительный. Буйная зелень местных джунглей перемежается роскошными цветущими лугами, по которым привольно разгуливают белогривые единороги. Ажурные башенки городов возносятся к голубому солнцу, через прозрачные потоки переброшены изящнейшие мосты. Планета-идиллия.

Иду на посадку. Мне достаточно мимолетного взгляда на сложнейшие приборы, чтобы разобраться в любой ситуации, пальцы стремительно порхают по клавишам. Корабль послушно опускается к поверхности – наша передовая технология позволяет ему сделать это бесшумно, не повредив ни единого стебелька.

Десять секунд до посадки. Расплываюсь в довольной улыбке и поворачиваю красную рукоятку с надписью «Тап»...

Корабль резко кренится, на информационных экранах истерически мечутся стайки разноцветных цифр, планета уплывает куда-то вбок. Бешено мигают аварийные лампы,

заполюшно вопит сирена. За моей спиной в рубку врывается здоровенный мужик в форме капитана.

— Щенок! — неистово ревет он, хватая меня за шкуру. — Кто тебя учил так ману тапать! Вон из кресла!

Поспешно рву ремни и отлетаю к стене, отброшенный мощной лапой. Ударяюсь головой об острую кромку и, кажется, теряю сознание...

Прямо в моей квартире возле разложенного кресла-кроватьи пританцовывает Ленка Шкодина из второй группы. На ней только кружевное белье и что-то еще прозрачное с бантиками, кажется, это называется пеньюар. А впрочем, какая разница!

Бросаюсь к ней, жестом опытного ловеласа сбрасываю это прозрачное на пол. Ее горячее тело трепещет в предвкушении у меня в руках. Мы сливаемся в поцелуе, таком долгом и сладком, что у меня кружится голова. Под моими пальцами тонкая ленточка ползет с загорелого плеча, рука непринужденно, как будто проделывала это тысячу раз, ласкает нежную кожу. Я чувствую в пальцах набухшую виноградинку соска, жаркая волна прокатывается по всему телу, погружая нас в пучину безумного блаженства. Руки скользят ниже, ниже, Ленкины губы на мгновение отрываются от моих, и она жарко шепчет:

— Ну давай же, Сереженька, ну... Тапай же, тапай...

Холод лавиной прокатывается по позвоночнику. Опять

эта чертова мана? В совершенной растерянности отстраняюсь от несостоявшейся любовницы. Ленка недоумевает, потом в ее глазах проглядывает обида, она судорожно прикрывается остатками белья и принимается рыдать.

Теперь я знаю, что чувствует полный импотент.

Шкодина хлопает носом и, как заигранная пластинка, потерянно твердит:

– Ну какой же ты гад! Ну какая же ты свинья, Мухин...

Вприпрыжку пересекаю пыльный газон и мчусь наперерез транспорту, провожаемый мелодичными гудками и не очень мелодичными репликами из окон. Ну, конечно, я опять опаздываю, понять бы еще, куда. По крайней мере, вокруг Москва, а не открытый космос, это уже радует.

Перепрыгиваю низкий заборчик, цепляюсь за него ногой и смачно плюхаюсь прямо в лужу. Впрочем, это меня не останавливает: на полной скорости подлетаю к институтскому дому культуры, рву на себя тяжелую дверь и, пыхтя, вваливаюсь в холл. Взгляд упирается в большую табличку со стрелкой «Курсы ускоренного тапания маны». Обреченно вздыхаю.

На моем пути вырастает солидная бабулька – квинтэссенция всех вахтерш в мире.

– Стой! Фамилия!

– Мухин... – опасно сообщаю я.

Бабка цепляет за нос очки и утыкается в засаленную тет-

радку. Пухлый палец неторопливо, как осенняя муха, ползет по строчкам.

– А, Мухин. Опять опаздываешь. Занятие-то уже заканчивается. Ну да иди уж... – она чиркает что-то против моей фамилии в списке.

Приоткрываю створку двери и проскальзываю в амфитеатр, невразумительно бормоча какие-то извинения. Аудитория полна народу, мне с трудом удастся пристроиться с краешка неудобной скамьи. Судорожно пытаюсь вникнуть в процесс: на кафедре отчаянно жестикулирует Кочерга, но речь явно идет не о производных. Ну-ну, вот сейчас нам и разъяснят, как ее, родную, тапают. Ману.

– Итак, мы с вами рассмотрели тринадцатый, самый эффективный способ ускоренного тапания маны или способ Карлая-Визженского. – Кочерга вытянул из рукава пиджака запястье с массивными часами. – К следующему семинару обязательно потренируйтесь дома. А сейчас все свободны, спасибо.

Вот блин. Так ничего и не узнал, даже обидно.

Я вышел на улицу, провожаемый истошным верещанием звонка, плавно перетекшим в истеричный писк. Под эти звуки я и проснулся.

Меня разбудил сотовый. Только не надо думать, что кто-то озаботился ранним звонком, просто я использую этот аппарат в качестве будильника. А что, очень удобно: и верещит

не хуже обычного, и даже если спросонья смахнешь на пол – новый покупать не придется. Не зря же я в свое время выбирал девайс в противоударном корпусе.

После ночных кошмаров чувствовал я себя так, будто отработал полную смену на разгрузке вагонов. Соскребшись с кровати, принялся вяло перекладывать тетради в поисках нужной. Взгляд невольно зацепился за толстый синий учебник под столом, и я даже, кажется, не удивился, прочитав гордую золотую надпись: «Сборник задач по прикладной тапомании». Интересно, это я с ума сошел, или в мире что-то не так? Вчера, помнится, я под стол нормального Демидовича уронил – задачник по матанализу.

Не поленившись слазить за книгой, я перелистнул пару страниц. Во всяком случае, к матану эта дисциплина отношения не имела: внутренности книги пестрели незнакомыми терминами и непонятными закорючками. И что бы это значило?

В совершенной растерянности поплелся я на кухню, погромел крышками кастрюль, машинально повторяя на манер считалочки: «Раз, два, три, четыре, пять, ману тапать нам опять», щелкнул пультом телевизора. На экране ящика нарисовалась холеная рожа, с серьезным видом расписывающая преимущества тапомановой технологии от фирмы «Супер-тапман». Я похлопал глазами, машинально отправил в рот пустую вилку и почувствовал себя полным идиотом. Интересно, с катушек съезжают именно так?

Вспомнив многочисленных классиков, я некоторое время щипал себя за разные места, но так и не проснулся. Можно, конечно, еще молотком по пальцам попробовать, но это уже перебор. И так ясно, что не сплю. А значит, тапают они там ману или не тапают, а к Кочерге пора спешить. Мне только очередного незачета на фоне всего этого бреда не хватало.

Годами вырабатываемые навыки позволили мне с легкостью распахать десяток теток с пудовыми сумками и втиснуться-таки в битком набитый троллейбус. Тетки, надо сказать, сегодня и не сопротивлялись почти. Нормально, теперь шесть остановок отдыхаем и следующий рывок. Привычно уткнувшись через плечо хрупкой девушки в ее книжку, я приготовился лениво пробежаться по паре страниц очередной любовной чепухи. Однако в попавшемся мне эпизоде значилось:

«— Боюсь, что в данном случае нам не удастся натапать достаточное количество маны.

— И чем это грозит Ричарду? — ее голос прервался от волнения.

— Если не произойдет чуда...

— Нет! — воскликнула она. — Я не могу этого допустить. Пусть даже вся мана мира...»

Я со стоном уткнулся в окно. За ним проплывали неестественно чистые улицы, пестрели ярко раскрашенные детские городки, аккуратные остановки. Пробок отчего-то не случилось, сверкающие чистотой машины бодро двигались по

гладкому шоссе. Даже небо казалось недавно покрашенным. Рекламные щиты вдоль дороги обыденно пестрели голливудскими улыбками, хотя буквы на них складывались в очередной бред. «А ты с утра потапал ману?» – вопрошал сияющий качок верхом на велотренажере. Три матрешки приглашали на международный фестиваль художественного манатапа. Слабо одетая девица предлагала черный аппаратик, именуемый «миниатюрным тапальщиком маны» всего за \$9.99. Идиотизм продолжался.

Я затравленно огляделся. Вместо злобно-напряженных харь меня окружал довольный добродушный люд, тихо улыбающийся неведомым своим мыслям. Даже бабульки не разглагольствовали насчет низкой пенсии и неправильного правительства, а радостно обсуждали новинки манатапальной литературы. Ой, мамочки, куда я попал...

Впрочем, остановки через четыре я заметил, что вокруг меня образуется пяточок напряжения. Народ принялся привычно коситься на окружающих, кто-то уже кого-то обругал, кто-то смачно наступил на ногу соседу. Ну ладно, а я уж невесть что подумал.

Промчавшись институтскими коридорами, пахнувшими не привычной пылью, а почему-то хвоей – не иначе одеколон пролили – я по обыкновению направился в курилку. Однако вместо привычного хлопка по спине, сопровождаемого очередной глупостью вроде: «А, Мухин, отгадай загадку: летит мухач, готов бухать», меня приветствовали вежливо-

ми рукопожатиями, что окончательно деморализовало мое и без того обалделое сознание. Еще большее впечатление производил разговор: вместо обсуждения последствий вчерашней пьянки эти люди толкали речи на предмет влияния произведений фантастов-утопистов прошлого на формирование современного социального устройства. Староста наш, Трешкин, который сроду умел только про свою коллекцию порнофильмов заливать, так же увлеченно долбил про каких-то Хаксли и Замятина. Я дернул за рукав подпирающего стену Ваську Белкина:

– Слышь, Белкин, ты не знаешь, что такое «ману тапать»?

У него глаза сделались как две лампочки: не в смысле светящиеся, а в смысле круглые и большие. Потом он заржал и принялся мне большой палец показывать:

– Во! Супер! Клевая шуточка, на КВН пойдет – всех сделаем. Ты это, может, в тебе талант пропадает, Мухин, а то приходи к нам в команду сценаристом.

Народ одобрительно загоготал, радостно повторяя:

– Ты не знаешь, что такое «ману тапать»?

– Ага, а то я знал, да вишь, забыл.

– Не. Мне в детстве не давали тапать ману, чтоб я в шкафу варенье не нашел...

– Брось, это было!

Всеобщее веселье прервал Кочерга, на удивление причесанный и даже при галстуке:

– Господа студенты, я уже открыл аудиторию. Прошу.

Тут у меня вообще челюсть отпала. Чтобы Кочерга сам аудиторию открыл? Да еще дошлепал до курилки приглашать на собственный семинар? Нет, явно сегодня ночью все собаки передохли, луна на землю упала, а сам я умер и очутился в раю.

Рай закончился через пару минут, когда Кочерга поднял глаза над очками и уперся этими бесцветными пуговицами ровняк в меня:

– Мухин, вы на прошлом занятии обещали подготовить материал об использовании оператора тапоманового преобразования при решении задач прикладной газодинамики. Как у вас с этим?

Я судорожно сглотнул:

– Петр Ефремович... Я не обещал... То есть это... Мы поверхностные интегралы на прошлом занятии проходили...

По аудитории прокатилась волна веселья. Кочерга поднял очки на лоб и внимательно рассмотрел мою физиономию из-под них.

– М-м-м, ну, садитесь, Мухин. А вообще, если вам нездоровится, можете идти домой, я уже отметил, что вы присутствовали на семинаре.

Чувствуя, как фонарями горят уши, я плюхнулся на стул, а Кочерга решил окончательно меня убить, добавив:

– Поверхностные интегралы, кстати, мы в прошлом семестре проходили. Да-с...

На этом, считая меня окончательно уничтоженным как

класс, злобный препод вдарился в объяснение новой темы. Я мужественно пытался записывать, но вот беда: понятные вроде бы по отдельности слова никак не складывались в осмысленные фразы. Как будто новости в соседской квартире через стену слушаешь! Ничего не понимаю. К концу пары и Кочерга выдохся, принялся дергать галстук, жаловаться на духоту и сбиваться с мысли.

Возле расписания торопливо листала тетрадку Ленка Шкодина. Тряпка! Я – тряпка: сколько западаю на барышню, и как дурак, подойти не решаюсь. Вот сегодня, например, все и так идет наперекосяк, так пуркуа бы не па?

– Лен, привет, – она подняла на меня большущие глазищи, и я понял, что краснею как помидор. – Ты... э... давай вечером в кафешке посидим, я такое местечко на Арбате знаю... чудное такое...

А она ресницами махнула и щебечет:

– Ой, Сереженька, а может, завтра, а? Я сегодня с Белкиным договорилась ману тапать.

Тут меня так и перекосило, давешний сон вихрем промчался в голове, сметая все прочие эмоции. Ману она тапать договорилась! Знаю я, блин, как ты ману тапаешь. Да еще и со всем курсом подряд – шлюха! Нет, точно, натуральная шлюха.

Что-то я пробормотал такое невнятное, только у нее улыбка, смотрю, с лица сползла. Ну, да и я не в радужных чувствах в буфет потопал.

Философ тоже завел волюнку о проблемах гносеологии и в натуралистической философии тапания маны, правда, быстро выдохся, раскашлялся и отпустил нас на полчаса раньше. А на информатику я вообще не пошел. Как представил «язык программирования Манатапль»...

Я брел по улице, совершенно потерянный и несчастный. Господи, ну куда же я попал? Прохожие бодро шлепали по своим делам, улыбаясь мне с таким добродушным видом, словно я был всеобщим любимым племянником. Молодые люди переводили старушек через улицу, дворник усердно скалывал только начавший образовываться на тротуаре ледок, автомобилисты вежливо пропускали пешеходов, мамы с колясками вместо пива прихлебывали апельсиновый сок. А со стен тарачились плакаты, призывающие непрерывно и в больших количествах тапать ману, тапать ману, тапать ману...

В результате я оказался возле цирка. Еще подумал, что тут мне самое и место. И впрямь: над входом висела большая афиша «Только у нас! Только один день! Виртуозы тапания маны! Зрители задают вопросы гениям тапа». Я почувствовал, что глупо улыбаюсь – идея мне понравилась. Даже надежда какая-то забрезжила: взять и задать вопрос. Нет, даже не так. Задать ВОПРОС, самый для меня главный на сегодня. Как тапают ману?

Я торопливо выскреб мелочь из кармана. На билет хватило.

На арену уверенной походкой знаменитости вышел представительный тип в серебряном костюме. Зал разразился овациями, раздались слаженные крики: «Ма-ну! Ма-ну!» Прозвучала барабанная дробь, и все стихло в предвкушении. Артист вскинул руки, поднапрягся, пытаясь, видать, тапнуть за раз немереное количество маны и... ничего. Зал разочарованно выдохнул.

Мужчина в серебряном костюме виновато улыбнулся, развел руками. Снова дробь, замерший зал, властный жест артиста и... тот же эффект. Народ начал раздражаться. На лице «гения тапа» явственно проступила неуверенность, с галерки пока еще одиноко засвистели. Третий провал трюка сопровождался гневными воплями окружающих меня зрителей, чьи лица прямо на глазах наливались нечеловеческой злобой. Как будто они лет сто копили раздражение, чтобы сейчас излить ее на арену.

Я почувствовал себя неудобно и принялся выбиратья в проход. По пути меня пару раз ощутимо ткнули под ребра, и кто-то от души наступил мне на ногу бритвенно острой шпилькой. А в конце ряда меня уже поджидал дюжий дядька в синей форме.

– Мухин? – грозно осведомился он.

– Мухин, – жалко пискнул я.

– Пройдемте.

Ничего уже не понимая, под яростный гул зала я рва-

нулся мимо мужика к выходу. Но тут на моих локтях словно сомкнулись челюсти капкана, а в лицо уткнулось что-то мокрое и вонючее.

Очнулся я резко, как будто свет включили. В полнейшей растерянности оглядел небольшую, даже уютную комнату с полосатыми занавесками и человека в знакомой уже синей форме за массивным письменным столом. Сидел я в мягком кресле, и ничего, как ни странно, у меня не болело. Разве что я окончательно запутался в происходящем.

– Сергей Мухин, не так ли? – поднял на меня приветливый взгляд мой визави.

– Угу.

– Я старший уполномоченный по контактам с внемирянами Андрей Полотовский.

Так, креза прогрессирует, уже и внемиряне пошли.

– Не удивляйтесь, – продолжал он. – Сейчас я все объясню. Вы попали в нашу реальность из своей, в некотором роде параллельной нашей. Я бы даже сказал, эти реальности во многом идентичны за одним, но очень важным исключением. Видите ли, – словно извиняясь, произнес он, – мы умеем тапать ману.

Я понял, что мне уже все равно. Я маленькая тучка, а во все не медведь, сейчас придут ласковые люди в белых халатах и меня вылечат... Или не вылечат?

– Способ тапания маны был открыт нами несколько сто-

летий назад, и это в корне изменило все наше общество. К сожалению, я не могу объяснить вам принцип тапания маны, вы просто не способны будете меня понять. И никто в вашей реальности, Сергей, понять этого не способен. Просто поверьте, этот процесс позволил создать такую социальную структуру, которую в вашем мире называют утопией. Оказалось, что тапая ману, люди становятся совершенно счастливыми, отсюда всеобщая вежливость, корректность, ну и полная социальная адекватность. Вы просто представить себе не можете, насколько легко и комфортно в нашем обществе существование простого обывателя: уже много лет никто не слышал о преступности, алкоголизме, наркомании и... – он помялся, вспоминая слово, – да, о разводах. Словом, обо всех тех проблемах, которые неизбежны в вашем мире.

Я уже слегка освоился, развалился в кресле и решил уточнить:

– А что же мы тогда?..

– А вы, если выражаться научным языком, состоите из антитапоманового вещества. Ну, знаете, почти как материя и антиматерия, только при соприкосновении происходит не аннигиляция, а просто тапомановое вещество теряет свои свойства. Возможно, вы уже замечали с момента появления в нашей реальности, что люди вокруг вас быстро начинают раздражаться, чувствуют себя неуютно. Они просто не могут тапать ману, когда им это необходимо. Вот, в цирке, например, пошел просто неуправляемый процесс...

Сам Полотовский, похоже, чувствовал себя превосходно. Наверное, натренировался тапать свою ману в присутствии внемирян.

– И как же я сюда попал? – уточнил я.

– Магнитная буря, видите ли. Вы, как я понимаю, очень магнитозависимый человек. Предполагаю, что вы спонтанно поменялись местами с вашим двойником из нашего мира. Представляю, каково ему сейчас среди этих чудовищ... Впрочем, простите, я нисколько не хотел обидеть ваших соплеменников, вы не виноваты в своей природе.

– И что теперь мне делать?

Полотовский расплылся в лучезарной улыбке коммивояжера:

– А разве я об этом не сказал? Дело в том, что осуществить обратный перенос чрезвычайно легко. Гораздо сложнее было обнаружить ваше присутствие!

В соседней комнате, напоминающей медицинский кабинет, мне привычно улыбалась миленькая девушка в зеленом халатике. Холодная игла вонзилась под лопатку, и я плавно погрузился в беспамятство.

Сотовый попискивал из последних сил – разрядились аккумуляторы. На столе валялся до боли знакомый Демидович, со страниц которого на меня пялились графики родных синусов и не менее родных экспонент. Интересно, тот, тапомановый Мухин ездил к Кочерге на семинар? Я набрал номер

Васьки Белкина:

– Белкин? Ты это...

– Муха! – заорал он, не дав мне сказать и слова, – Ты очуманел, что ли, муха-тоже-вертолет? Ты чего сегодня вытворял? Кочерга всей группе обещал зачет зарезать!

Я тихонько положил трубку. Так, ясно, тот Мухин на семинаре был. Не иначе, пытался ману тапать. Идиот.

За стенкой гулко бабахнуло. Алкашик дядя Коля швырянием табуретки возвещал дому о прибытии с работы. Я подхватил задачник и шваркнул об стену в ответ.

– А мне плевать на вашу легкую жизнь! – заорал я неизвестно кому, потрясая кулаками. – Хоть обтапайтесь!

Наталья Егорова

Умный дом

Звонок настиг Егора в самый разгар выяснения отношений с заведующей дома культуры. Номер был незнакомым, и Егор раздраженно выключил аппарат.

Стоило выйти на улицу под колючий дождь, телефон зазвонил снова.

– Да!

– Вы Егор? Маслов?

Женский голос медовой густоты и охряного оттенка.

– Да.

– Мне говорили, вы занимаетесь реставрацией картин.

Строго говоря, реставрацией он не занимался, если не считать спасенный пару лет назад натюрморт: хозяйка начиналась интернет-форумов и решила «обновить» картину посредством мыльной губки. Егор неделю возился, перетягивая набухший холст, а потом еще дописывал те места, где напрочь отслоилась краска. Получилось не так, чтобы безупречно, но если не приглядываться, не догадаешься.

Однако возражать медовому голосу было решительно невозможно.

– Ну... А что за картина?

– Я думаю, начало двадцатого века. Холст. И, по-моему,

масло.

Немногословна и самоуверенна. Наверняка брюнетка в алом деловом костюме. Четырехкомнатная квартира и портрет бабушки в тяжелой раме. Или бабушкиной болонки.

– И что с ней?

Хорошо бы просто потемневший лак. С прорехами в холсте он, пожалуй, не справится.

– Мне кажется, там есть дописки. Я хотела бы восстановить исходный вариант.

Звучало заманчиво, уж с растворителем он как-нибудь справится. Да и любопытство высунуло нос: представилось, как из-под толстощекого небрежно выписанного лица появляется неизвестный шедевр Рафаэля.

Но совесть заставила уточнить:

– Лучше, наверное, в реставрационную мастерскую.

– Ее нельзя перевозить, – сказала она, как о тяжелобольном. Значит, все-таки прорехи. Или краска сыплется. – Я живу недалеко от Дубны, туда довольно неудобно добираться, но вы могли бы пожить у меня, пока будете работать. Естественно, на полном пансионе. Я в Москве, так что до места вас довезу сама.

Полный пансион у девушки с медовым голосом – это звучало заманчиво. С другой стороны, километров 130 от Москвы, а то и дальше. И наверняка полная глушь без мобильной связи – похоже на начало фильма ужасов. Егор хмыкнул.

Четырехкомнатная квартира плавно трансформировалась в деревянную развалюшку у дремучего леса.

– Исторической ценности портрет не имеет.

Еще одна иллюзия разбилась.

– Я могла бы заплатить вам... – озвученная сумма была выше любых притязаний. – Этого достаточно? Материалы, естественно, за мой счет.

Это было вовсе не естественно, но приятно. Интересно, как звучит ее голос, когда она улыбается?

– И все же, – он еще колебался, – есть опасность испортить...

– Я заплачу половину вперед.

И тогда он сделал самую большую глупость в своей жизни. Он согласился.

* * *

Егор Маслов был художником-самоучкой, чего в глубине души страшно стеснялся. Заканчивал он заштатный технический вуз, где в первом же семестре на лекциях по черчению проникся красотой геометрических форм и оттенков черного. Лекал он не признавал, к линейкам относился скептически, но твердая рука и интуитивное понимание формы позволяло ему виртуозно выполнять самые сложные чертежи.

Особенное удовольствие доставляла ему работа с нена-

вистными студентам объемными проекциями, а тени и блики технического рисования приводили буквально в экстаз.

Собственно, на одном черчении он и вытягивал сессии. Масловские чертежи легко обменивались на лабораторки по программированию, на расчетно-графические по гидравлике и на шпаргалки по физике. Его дипломный проект, хоть и переписанный с прошлогоднего, сопровождался столь изысканными изометрическими чертежами в сложных разрезах, что Егор, к своему удивлению, получил на защите пятерку.

Парой лет позже, когда черчение перевели на компьютерную основу, судьба его оказалась бы плачевной. Маслов жил в мире объемных форм, который никак не пересекался с картинками на мониторе, так что работа на компьютере по сей день казалась ему сродни шаманским пляскам. Максимум, чему он научился, – это погуглить на смартфоне. Ну и в тетрис поиграть.

В трехмерный.

Безвольно осев в тихом КБ, Егор продолжал предаваться той же страсти, благо в магазинах появились книги по технике живописи. Динамичное масло и капризный акрил, строгая тушь и нежная пастель, а в особенности любимый грифель – медленно раскрывали перед ним свои секреты.

Но вот беда – интуитивное масловское чувство гармонии было чересчур строгим, слишком... чертежным. Его портретам не доставало выразительности, а пейзажам – экспрессии; они оставались старательными ученическими работами.

А почти монохромная гамма отпугивала и тех, кто подбирает «пейзажики под обои».

Был у художника Маслова и еще один недостаток, губительный для кустаря: педантичная до занудства тщательность при вспомогательных операциях. Если эмульсионный грунт на картон предписывалось наносить в два-три слоя, и всякий раз ждать полного высыхания, для Егора это становилось законом, столь же абсолютным, как расположение теней и бликов на освещенных формах. Если лак следовало наносить через год после окончания картины, то этот год она проводила в кладовке лицом к стене.

Годы шли, картины накапливались, признание не торопилось.

Месяца два назад Егор отдал три пейзажа в местный дом культуры. Заправляла тамошней выставкой-продажей гюрза в сиропе Римма Николаевна, распоряджающаяся домкультурными финансами воистину железной рукой. Кроме комиссионного процента с продажи доморощенные художники платили ей абонентскую плату за амортизацию стен. Тем не менее, многие считали это хорошей возможностью заявить о себе.

В этом месяце ядовитая Римма сообщила о повышении платы, мотивируя это непопулярностью масловских работ. Придя в ДК, он обнаружил все три пейзажа в самом темном углу фойе, возле черной лестницы. Егор возмутился, гюрза с тухлой улыбкой сообщила, что пасторальный реализм нынче

не в моде. Егор пригрозил забрать картины, что железную леди ничуть не испугало: «Вас таких много, это я одна!»

«Заявление о себе» грозило подорвать масловский бюджет. Именно в этот момент на него свалился непонятный заказ.

Все проблемы решились в полчаса, как по щучьему велению. Римма Николаевна получила оплату за три месяца вперед под обещание перевесить-таки масловские пейзажи к центральному фойе; начальство утвердило отпуск за собственный Егоров счет; родители предупреждены, кассета в автоответчике очищена.

Егор был свободен и готов к приключениям.

* * *

– Вы пешком? Подъезжайте к «Петровской-Разумовской», – велела девушка. – Зеленый «фиат-панда», номер 315.

Игрушечную машинку Егор увидел сразу на выходе из метро. И остановился на мгновение, разглядывая ждущую у капота хозяйку.

Волосы у нее тоже оказались медовыми. Гладко зачесанные, на затылке они скручивались в тугой бублик учительской прически. Правда, больше ничего чопорного в ней не было: безымянные джинсы, красная ветровка, кроссовки – все вполне демократично.

Егор невольно вздохнул, расставаясь с образом роковой брюнетки.

– Здравствуйте, я Маслов.

Взглянула внимательно и серьезно. Егору стало неловко за мятую рубашку и замызганный рюкзак.

– Меня зовут Ольга. Можно на «ты».

Не искаженный телефонным динамиком ее голос оказался еще вкуснее. Тембр, заставляющий вибрировать что-то под ложечкой.

– Вам нужно куда-нибудь заехать? За растворителем, например.

– Да нет, у меня все с собой. Если что, оттуда ведь можно вернуться?..

Жалкая попытка Красной Шапочки получить гарантии. Впрочем, с Ольгой он согласен даже на ужастик в стиле Роберта Родригеса.

– Да, конечно. Дубна рядом, да и от Москвы не так далеко.

Чудесные глаза: сине-зеленый кобальт с вкраплениями окиси хрома. Бледная, почти невидимая помада. Высокие скулы. Четкие черты лица.

Егор написал бы ее портрет тушью, хотя тушь слишком резка. Возможно, карандашом, но не угольным – уголь слишком мягок. Пара мазков охры и чуть-чуть сангины – подчеркнуть теплый оттенок волос. Темпера для глаз.

Черт возьми, она была почти идеальна!

И бесстрашна, как гипсовая статуя.

– Часа через три будем на месте.

– Мобильная связь там есть?

– В доме есть.

Что значит, в доме? Собственный ретранслятор, что ли? – мимолетно кольнуло Егора и тут же забылось.

В автомобильчике пахло свежо и чуть горьковато. За окнами потянулись однообразные равнины, скучные проплешины нерастаявшего снега чередовались с унылыми болотами. Мокрые поселки жались по краю шоссе. Из магнитофона звучал бесконечный свинг, а ветер горстями бросал в лобовое стекло мокрый снег.

Ольга вела машину с автоматизмом киборга.

Если бы это было кино, то кино про большую подставу, – подумал Егор и неожиданно задремал.

Ему снился желтый туман, дымные клубы которого подсвечивало закатное солнце. Его пальцы касались холодного камня, а в ушах стоял низкий гул, от которого ныли зубы. Егор повернул голову, увидел в тумане мраморное лицо статуи и без удивления узнал в нем Ольгины черты.

Он продирался сквозь неохотно расступающийся туман. И когда до статуи оставался всего лишь шаг, мраморные глаза распахнулись, сияя изумрудным светом. Холодные губы разлепились и произнесли:

– Мы почти дома.

Егор вздрогнул и очумело заморгал, пытаясь сообразить, где находится.

Автомобиль въезжал в коттеджный поселок. Кирпичные дома самой безумной архитектуры были натканы столь густо, что хоть записками перебрасывайся из форточки в форточку. Готические стрельчатые окна соседствовали с застекленными футуристическими беседками, тяжелые восьмиугольные башни с модерновыми «ласточкиными гнездами» под остроконечными крышами, что-то вроде альпийского шале – с чем-то вроде средневековой крепости. Лишь материал радовал единообразием – красный кирпич и зеленый шифер.

Развалюшка у дремучего леса, кажется, превращалась в новорусский эклектический особнячок.

– Нам не сюда, – мгновенный призрачный улыбки коснулся Ольгиных губ. Или ему показалось?

За кирпичным буйством открылась улица хорошо сохранившихся, но, несомненно, старых построек. Ольга лихо притормозила у двухэтажного бревенчатого домика, выкрашенного зеленой краской. Сквозь щели в дощатом заборе виднелась дорожка из розовых плиток, мокрые голые кусты и голая бетонная стенка гаража.

Ольга стремительно перебрала кнопки мобильного и произнесла в трубку:

– Я вернулась.

В ту же секунду ворота гаража бесшумно поехали вверх, одновременно сама собой распахнулась калитка.

– Иди пока к дому, я сейчас.

Егор выбрался из автомобиля и по-собачьи встряхнулся, разминая затекшие мышцы. Он заглянул за калитку – кто-то же ее открыл – но дорожка пустовала, только ветер побрякивал у дверей китайской висюлькой из алюминиевых трубочек.

Такая себе не слишком респектабельная дачка. Внутри наверняка пахнет старым сырым деревом, обои отстают от стен, а по углам прячется паутина.

А холст картины набух и подгнил.

– Открывай. У нас гость, – негромко сказала Ольга позади. Опять в мобильник; странный способ общаться. Кто у нее там в доме, ребенок, что ли?

Дверь бесшумно отворилась сама собой. Крохотная обшитая деревом терраса – два шага, еще одна дверь, распахнутая настежь... и Егор застыл на пороге.

Больше всего здесь было стали и светлого дерева. Хрупкая на вид лестница вела на второй этаж, налево пол поднимался на две ступеньки, и там за двойной аркой виднелись хирургически белые шкафы – видимо, кухня. Направо уходил короткий коридор, в неглубоких нишах прятались двери. Все очень стильно: узкие шкафчики, стены выкрашены бледно-желтым и чайным, несколько светлых пейзажей вполне в духе Маслова. Никаких стеклянных панелей, что приятно: в новомодных хромово-стеклянных интерьерах чувствуешь себя исключительно неуютно – как в аквариуме.

Раздалось негромкое жужжание, и на лестнице появился... громадный игрушечный робот в броне из белого пластика. С круглой головы смотрели непроницаемые стрекозиные глаза. В первую минуту Егор готов был поклясться, что это ребенок в роскошном карнавальном костюме, так естественны, человечны были его движения.

– Хозяин, здравствуй. Гость, здравствуй, – произнесло оно смешным мультяшным голосом и принялось шустро спускаться по лестнице: длинные ноги экономными движениями сгибались в коленях, маленькие ступни уверенно попадали на ступеньки. – Дом в порядке. Марвин умница.

Егор застыл в нелепой позе, так и не сделав шаг. И чуть не подпрыгнул, почувствовав легкий тычок в спину.

– Проходи-проходи, – сказала Ольга, и Егор почувствовал, что она улыбается. – Извини, не предупредила сразу. Это умный дом. А это Марвин – он робот.

* * *

– Мой папа увлекался электронными игрушками, – говорила Ольга, болтая ложечкой в чашке. Они сидели на кухне, напоминающей рубку космического корабля, Егор и половины здешних агрегатов не узнал.

На стене висели безумные часы в форме размытой кляксы, перевернутые почти вверх ногами, тройка была полупрозрачной, вместо девятки торчала хромовая игральная кость,

а стрелки походили на сверкающие спицы.

Чаепитие со Шляпником и Мартовским зайцем.

– Роботов у нас шестеро, но Марвин самый умный.

– Марвин умница, – подтвердил восседающий на табуретке робот. Он ворочал круглой головой, словно внимательно прислушивался к разговору. Росту в нем было, как в семилетнем ребенке. Игрушечные ручки с четырьмя пальцами сложены на столе.

– По паспорту его зовут Бета-что-то-там. Но мне больше нравится Марвин, как у Адамса. Хотя он, конечно, совсем не параноик.

Маслов взял с тарелки третий бутерброд и под непроницаемым взглядом стрекозиных марвиновских глаз чуть не положил обратно. Если это и не была ксенофобия, то нечто очень близкое к ней.

– Что касается реставрации, – Ольга отставила чашку и переплела длинные пальцы. – Портрет, с которым ты будешь работать – дедушкин. Если присмотреться, кажется, что его писали два художника. Я решила посмотреть, что было нарисовано вначале.

В домашней обстановке Ольга не стала мягче, да и разговаривала все такими же рублеными фразами. Она скинула ветровку, под которой обнаружилась черная футболка с нарисованным во всю спину кукишем, но осталась в тех же джинсах. И босиком – тапочек в умном доме не предусматривалось.

– Я сейчас покажу тебе твою комнату и сам портрет. Как пользоваться домом, разберешься. Марвин тебе поможет. Марвин поможет?

– Марвин поможет, – подтвердил робот мультяшным голосом.

– Он говорит еще по-английски и по-японски, так что при желании можешь попрактиковаться, – усмехнулась Ольга. – Холодильник будет в твоём распоряжении. Я не особо люблю готовить, но если ты сильно привередлив, можешь заказать что-нибудь через Интернет.

– Да нет, я вполне...

– Ну и отлично. Марвин, в кабинет.

В коридоре деловито елозила черная таблетка, посверкивая огоньками и тычась в углы. Робот-пылесос, наверное. Марвин первым затопал по ступенькам, и Егор снова поразился изяществу его движений.

– Марвин, пригласи гостя.

– Гость, иди за мной.

Мягкий свет сопровождал их: лампы включались метрах в двух впереди и гасли за спиной. Егор устал удивляться.

– Здесь будет твоя мастерская.

Комната, похоже, служила кабинетом. Обстановка выдержана в сером тоне, но не стерильно-бледном и не густо-сумеречном, а в теплом и мягком. Места достаточно для танцевального зала. Два компьютера по углам, легкие книжные полки, а на подоконнике жужжит робособака, виляя хво-

стом, суставчатые ножки вывернуты под странным углом.

– Лапы не работают, а отвезти в ремонт не соберусь.

Маслов с усилием отвел глаза от жизнерадостной пластмассовой морды.

Посреди комнаты, на столе, вполне подходящем для тенниса, темный холст в подрамнике.

– А это дедушкин портрет.

Егор медленно приблизился.

Портрет изображал надменного старика в средневековом костюме. Картина была выполнена в той дотошной манере, которой Маслов в глубине души восхищался. Насыщенный цвет, превосходная проработка деталей, одно кружево на рукавах и золотое шитье чего стоят! Фон слегка затуманен, как у старых итальянских мастеров; кажется, там арка или колонна... и желтый подсвеченный солнцем туман.

Однако, присмотревшись к красочной поверхности, Егор понял, что Ольга имела в виду, когда говорила о разных художниках.

Изумительный тон лица, выразительные складки на лбу, породистый крупный нос (несомненно, доставшийся по наследству Ольге в более изящном женском варианте), надменная складка губ – и вдруг тусклые, безжизненные глаза. В правом углу рта небрежный шрам, а может быть, просто грязное пятно.

Буйно разметавшиеся седые кудри, роскошная фактура

горгеры⁵ и бархатного берета – а возле виска небрежная прядь совсем другого оттенка. На крупном ордене (что за орден такой, интересно?) закрашена центральная часть; одна рука четко прописанная, с выпуклыми венами и крупным сверкающим перстнем, на второй перчатка намечена резкими мазками, причем, судя по положению предплечья, кисть перерисована под другим углом. Такая же нашлепка скрывает набалдашник трости, да и в углах картины, где никаких особых деталей быть не должно, порезвился неведомый горе-художник.

Исходная техника гладкая, лессировочная⁶, рука мастеровская, а последователь грубо, жирными мазками закрашивал отдельные детали.

– Странно.

– Да, мне это тоже показалось странным.

– Если нижний слой покрыт лаком, – Егор присмотрелся, – а он вроде бы покрыт лаком, то, может быть, я смогу смыть дописки. Сначала попробую вот здесь внизу на трости, а если все пройдет хорошо, будем двигаться дальше.

– Сколько времени это займет?

Егор потер переносицу.

– Честно говоря, я не знаю. Надеюсь, неделя, может, две.

---

⁵ Горгера (исп.) – в 15–16 вв. в Испании громадный плотный белый воротник, отделанный кружевом, размером около 15 см.

⁶ Лессировочная техника в живописи – наложение краски тонкими прозрачными слоями, при этом тон нижних слоев усиливается или изменяется за счет верхних.

Потом надо будет еще раз лаком для предохранения... Но знаете, может и вообще ничего не получится, я предупреждал.

Ольга кивнула.

— Я помню. Ты попробуй.

Оставшись в выделенной ему комнате — удобной, но безликой, как гостиничный номер, Егор принялся перебирать события длинного дня.

Актив. Он в гостях у красивой и несомненно одинокой девушки. Впрочем, несомненно — это он фантазирует. Скажем так — возможно, одинокой. К тому же без жилищных проблем и навязчивых родственников. Но даже без далеко идущих планов, его ждет интересная работа и впечатляющая оплата.

Егор хлопнул в ладоши — свет послушно погас, остался лишь крохотный светлячок у дверей.

Пассив. До жилищной беспроblemности от Москвы чesать три часа, причем общественный транспорт сюда, кажется, не ходит. Картина странная, девушка... тоже странная, к тому же самоуверенная до стервозности, Егор таких побаивается.

А от роботов вообще не знаешь, чего ожидать.

Маслову смутно вспомнились какие-то ужастики про дома, пожирающие жильцов. Или это были растения? Он схватился за смартфон, но экран мерцал успокаивающе, и прием был отменен. Егор позвонил родителям, потрепался с

приятелем по КБ и успокоенно зарылся в подушку. Но лишь проваливаясь в сон, понял, что так смущало его в Ольге.

Кажется, она была не самоуверенна.

Она была напугана.

* * *

Утро растворило вчерашние страхи в солнечных лучах. Проснувшись, Егор какое-то время бездумно валялся в постели, скользя взглядом по обстановке. Сегодня обнаружились детали, не замеченные с вечера, например, пульт в стене, как от музыкального центра. Егору понадобилось минут десять, чтобы разобраться в системе и выбрать какую-то незнакомую, но симпатичную инструменталку – помесь жизнерадостного рока и незамысловатого джаза.

Музыка пронизывала комнату, как будто динамики прятались в каждом углу. Определенно, в этих умных домах есть своя прелесть.

Маслов сунулся за дверь – сориентироваться насчет ванной. Музыка перетекла следом, расположившись в коридоре. Озадаченный, он прошел до самой лестницы, вернулся, заперся в обширной ванной комнате, будто срисованной с модного журнала, – звук послушно следовал за ним.

Стоя под душем, Егор размышлял, как будет работать система, если в доме пять человек и каждый захочет слушать свое, причем погромче.

В космической рубке кухни хозяйничал Марвин.

– Гость, здравствуй.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что робот наре-
зает колбасу. Пластиковые пальцы сжимают нехилый кухон-
ный тесак, движения неторопливы, но хирургически точны.

Егор поежился.

– Гость, слушай, – предложил робот, не отрываясь от ра-
боты, и в кухне внезапно зазвучал голос Ольги, почти не ис-
каженный записью.

– Привет, Егор. Я на работе. Дом в твоём распоряжении.
Если что-то не поймешь, спроси у Марвина. Как у Яндексa.
Да, забыла сказать, не выходи на улицу. Вечером покажешь,
что с портретом. Пока.

Такой себе аудиовариант записки на холодильнике. Цен-
ные указания получены: сиди-работай, из дома ни ногой. А
почему, собственно, ни ногой?

– Почему я не могу выйти на улицу?

Робот молчал. Как у Яндексa, говорите? Попробуем ина-
че.

– Марвин, мне можно выйти из дома?

– Гость нельзя.

Исчерпывающе. В желудке зашевелился холодок. Что там
было у Кинга про писателя, которого держали под замком?
Забыл, чем дело кончилось, помер он или выбрался.

Егор задумался, пережевывая бутерброд. Марвин дорезал
колбасу и переключился на сыр. Ломтики у него получались

не хуже, чем у комбайна.

В конце концов, его кормят и в комнате не запирают, — решил Егор. — Еще не крайний случай.

И отправился работать.

Портрет устоялся на него мутными глазами неопределенного цвета. Егор долго разглядывал поверхность, осторожно трогал кончиками пальцев. Говорят, хорошо сфотографировать в косом свете, все изъяны видны, но фотоаппарата нет, да и изъяны-то — вон они все.

Он выбрал самый нежный растворитель, развел с конопляным маслом. Легкий мазок тампоном, еще один — вроде бы получается. Слой лака поверх дописок совсем тонкий, словно картину именно что не дорисовывали, а прятали изначальную работу.

Егор увлекся. От резкого химического запаха слегка кружилась голова, из-под грубого шлепка проявлялись прежние цвета — насыщенные, яркие. Собственное дыхание казалось слишком громким, а периодически Егор вообще забывал дышать.

И только когда плечи заломило от многочасовой неподвижности, он отодвинулся от стола и увидел, что получилось.

Старик держал не трость. Меч.

– Тогда все становится логичным, – пояснял Егор. – Правая рука лежит на этом... перекрестье таком.

– На гарде, – тихо подсказала Ольга.

– Ну да, на гарде. Она, похоже, очень широкая, вот здесь виден край. Вообще интересный такой меч: рукоять длиннючая, гарда эта немереная... Прямо, Конан-варвар. Слушай, а ты уверена, что его рисовали в начале прошлого века?

Ольга задумчиво повела плечом.

– Папа говорил, портрет старый. Я всегда считала, что это дедушка, но может быть, прадед или даже какой-нибудь прапра-прадед.

– А может это быть, наоборот, недавняя работа?

– С чего ты это взял?

– Ну, знаешь, – Егор смутился. – Какой-то меч этот... как будто ненастоящий. Если бы я его на картинке в журнале увидел, решил бы, что фэнтези современное. Эльфы-гоблины там всякие, оружие вычурное.

Ольга окинула его суровым взглядом.

– Когда я была маленькой, портрет уже висел дома. А это еще в Советском Союзе было.

– Ну да, эльфов-гоблинов в Советском Союзе не было, – пробормотал Егор. – А кстати, почему это мне нельзя выходить из дома?

По ее лицу пробежала тень.

— Когда меня нет, включается система защиты. Параноидальная. Перепрограммировать сложно, так что выходи, когда я здесь. Только зачем тебе? Поселок еще пустой почти, из магазинов — одна палатка у остановки...

Сомнения Егора не развеялись, но он предпочел согласиться. В конце концов, телефон работает, Интернет доступен, а месить грязь по улицам недостроенного поселка и впрямь удовольствия немного. Да и Ольга ему вроде доверяет, иначе б не оставила целый день хозяйничать в доме, напичканном супертехнологией, побоялась бы, что испортит.

О том, что испортить ему могли просто не позволить, Егор предпочел не думать.

* * *

В пятницу Маслов с изумлением понял, что гостит в умном доме уже неделю. Он почти привык к Марвину и даже не вздрагивал, когда тот с тихим жужжанием возникал за спиной. Он забавлялся с парализованным Псом и машинально приподнимал ноги, когда под стулом проползала таблетка уборщика. Нашел еще двух крохотных роботов: человечка с прозрачным тараканом, однако не впечатлился — игрушки и игрушки.

Но особенно его радовала музыка, гуляющая по всему дому следом за жильцом. Причем сам музыкальный центр Егор

так и не отыскал, хотя пульта были встроены в каждую комнату. Еще на первом этаже обнаружился навороченный домашний кинотеатр и неплохая, хотя и слегка пуританская подборка фильмов.

Работала Ольга, похоже, коммивояжером: уезжала с утра, нагрузив багажник сумками, возвращалась иногда к полуночи совершенно разбитая, вливала в себя пол-литровую кружку чая и скрывалась в комнатах. Впрочем, в среду она осталась дома и приготовила роскошный по здешним меркам обед: суп из замороженных овощей с пельменями, а на второе – креветки из китайского ресторана. Жареный хитин хрустел на зубах, но Егору понравилось.

Работа над портретом продвигалась неспешно, но уверенно, хотя каждая новая деталь добавляла «дедуле» странностей.

Меч обладал хитрой формы лезвием и выступом, который Егор по неопытности посчитал кровостоком. Хищно растопырилась гарда, а набалдашником рукояти служил череп с глумливо выставленными клыками. Такой же череп, правда, без клыков, зато с горящими зелеными глазами, обнаружился на ордене; да и сам орден стал напоминать стилизованную паутину в рубиновой крошке.

Не прост был дедуля, ох, как не прост.

Егор оставил лицо напоследок и для разнообразия смыл левый нижний угол, где под темно-фиолетовым кобальтом обнаружилась надпись, сделанная округлыми печатны-

ми буквами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1.

Новороссийский десант – тактический десант, высаженный 10–16 сентября 1943 года силами Черноморского флота в Новороссийский порт в ходе Новороссийско-Таманской наступательной операции Великой Отечественной войны. Высадка производилась под сильнейшим артиллерийско-минометным и пулеметным огнем противника, характеризуется массовым героизмом личного состава десантных частей (прим. автора).